

Ему никогда не жилось спокойно и привольно, и все его деяния представляли собой отчаянные попытки проявить себя и показать свою силу.

— Дурной сын почитаемого отца. Повезло Арну Крестителю, что боги... бог дал ему двух сыновей и старшего наделил равно и разумом, и силой. Младший не в род пошёл. Весь в дурную мать, весь в мать...

А он, младший сын, дурной сын, всё слышал, пусть и молчал. Слышал, как епископ и воевода отца, ярл Агни, перемывают ему косточки за стеной, словно две болтливые кухарки. Омерзительные старики! Ладно его честь пытались запятнать, но обозвать матушку дурной женщиной...

И как только посмели?!

Теперь же пришлось сидеть, точно на цепи, запертым в своих же покоях, и слушать всё это против своей воли. Всё против своей воли, а что по его воле было

— Не знал я, что он не от имени Крестителя деяния творит. — Говорящий сотворил божий знак при упоминании конунга, при жизни признанного святым. — Ведь и сам Креститель собирался взять город свеев. Они слишком близко подошли к Онаскану и заняли земли, что принадлежат нам по праву.

То-то же! И в чём тогда провинность?

— Не так скоро и не так жёстко, — воевода приумолк ненадолго. — В городе был важный человек конунга Анунда. Люди Ольгира убили его. Что же теперь Анунд потребует от нас за смерть родича?.. Ох, не в то время захворал наш конунг. Ох, не в то. У него были свои планы на остров, но он не успел их осуществить. Теперь же я надеюсь, что выходка выродка не сильно нарушила их.

— Дай бог здоровья Крестителю нашему, — залепетал почтенно епископ, — долгих лет жизни.

— Уж я-то сам не знаю, удастся ли задобрить теперь Анунда. Сколько ж серебра или людей он потребует за своего родича и каждого убитого хольда? Рука у Анунда крепкая, так что, боюсь, не видать нам полюбовного разрешения этой ссоры. — Воевода шумно вздохнул. — Этот щенок много крови пролил. Нет в том ни капли разума. Ни капли разума его отца, который всегда с таким трепетом относился к миру со свеями! Дикий он, поганый, как его мать.

— Благо что не ему быть нашим конунгом.

— Благо что не ему... Лейв будет хорошим продолжателем дела своего отца. Не отвернётся он ни от новообретённого бога, ни от поддержания мира с Анундом и прочими крещёными конунгами. А Ольгир... Он всегда был лишь тенью могучего и мудрого брата. Пылью под ногами отца своего Арна Крестителя. И уж точно мусором под ногами деда. Он не из тех людей, что строят города и богатеют. Выродок и грязное пятно на имени семьи, живущий как блоха.

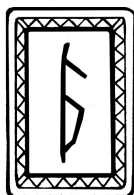
Пленник снова облизал запёкшиеся губы, страшно улыбнулся на эти слова.

— А что же теперь Ольгира ждёт за самоуправство? — поинтересовался епископ.

— Тут уж воля конунга будет, не моя. Я всё сделал, что в моих силах. Разве что при хольдах Креститель меч отнять попросит... вместе с поясом. Так это тоже не совсем моя забота. А дальше что с ним будет без меча и пояса, не знаю. Наверное, ссылка...

Младший сын конунга усмехнулся, скорчив болезненную гримасу. Побелевшие веснушчатые щёки налились румянцем. Думает старик, как накажут его, сына Крестителя... Да как бы сам скоро не попал в немилость! У него союзников и наёмников не меньше — силы отмстить найдутся.

Он зарычал, а как услышал скрип лестницы, ведущей к его покоям, сник и вид принял смиренный, будто крестить его пришли по его же доброй воле, а не вести к отцу на суд...

ыстроногий конь нёс своего всадника всё дальше и дальше от крепких стен города. Лёгкий перезвон колокольчиков на сбруе разливался ясным холодным звуком.

Плащ, чуть волнуемый ветром, покойно опустился на сильные плечи огромным алым крылом. Всадник надвинул соскочивший худ на лицо, перекинул поводья и слез с коня. Здесь начинался лес с заросшими тропами. Никто не ходил сюда, не собирал хвороста и не рубил деревьев. Говорили, что раньше тут жили колдуны, а кто поселился иль остался — теперь знали лишь самые отчаянные из охотников. Поговаривали, что водились тут даже волки-оборотни, каких давным-давно нигде больше и не видывали.

Одно из древ изогнулось тоскливо, как плачущая женщина. Оно было похоже на ворота, но за ними не

было ни дороги, ни приюта. Ольгир окликнул отставшего брата, и с холма спустился Лейв на гнедом крупном жеребце, поспевая следом. Ольгир отдал ему поводья, прошёл сквозь эти ворота, и душа его сжалась в кулак. Но потом распрямилась ладонью, хлёсткой тетивой. Гордая душа — всегда тетива.

— Не жди меня, — крикнул Ольгир брату, обернувшись. — Возвращайся в город.

— Ольгир! Да стой же ты. Не поздно ведь извиниться. Ох, видит бог, устал я повторять это тебе снова и снова. Извинись перед нашим отцом. Он только этого и ждёт, — отозвался Лейв. — Брат, послушай...

Кони стригли ушами, прислушиваясь к набухающему сумраку хвойного леса. Всюду им мерещились дикие звери. Тени вездесущих крыс, мелькавшие на стволах деревьев в свете низкого солнца, становились похожими на тени волков.

— ...Послушай! Если ты правда считаешь, что, раздобыв шкуру Белой Гривы, получишь прощение отца, то ошибаешься как никогда. Извинись по-простому. Даже если не искренне, он примет тебя назад. Ты же сын ему. Родной сын. Никакие купцы меж вами не встанут!

Ольгир зарычал, припомнив, как конунг на глазах воеводы и приближённых отнял у него меч, назвав несмышлёным мальчишкой.

— Я найду этого коня, — произнёс Ольгир, и голос его звучал уверенно. — И пусть обо мне потом рассказывают в сагах как о человеке, что не просто одним глазком увидел, но убил Гриву. Снял с него шкуру! Никому этот чудесный конь не дался, а мне... Найду. Найду и принесу. Пусть старик думает, что я не справлюсь. Но я же всегда подводил его ожидания. Не так ли?

— Белая Грива, видишь ли! — Лейв грустно усмехнулся. — Проще уж было сказать: найди духа водопада да забери его свирель. Где же ты её искать-то собрался, а? Спросишь у троллей? Или хульдр? А может, у колдунов суми? Брось ты, брат, эту затею!

Ольгир упрямо молчал. Старший брат всё с той же невесёлой улыбкой подъехал ближе, отводя рукой низко склонившиеся ветви ёлок. Нерадивый сын усмехнулся в ответ.

— Возвращайся к жене и отцу, Лейв.

Лейву не понравилась его усмешка. Он пустил коня, остерегавшегося елей, столь низко склонивших хвою, вперёд, преградил Ольгиру путь — тропу, которую когда-то проложили бежавшие от огня Крестителя лесные колдуны. Всюду чудились отголоски их чар. Тем лучше. Белая Грива давным-давно ушёл за ними, но в последнее время, по слухам, его видели близ Онаскана всё чаще и чаще. Вот уж добрался и до леса, что стоял неподалёку от города серо-зелёной стеной. Иным коням по этой тропе не пройти, только упрямому человеку да дичи.

— Брат, я не пропаду, не бойся ты. Я принесу старику Гриву. Он простит меня и, я думаю, отдаст меч. — Ольгир сложил руки на груди.

— А ну, вернись домой!

— Нет.

— Какой же ты всё-таки упрямый дурак. Да ещё такого плохого мнения о нашем отце. — Лейв сокрушённо качнул головой. — Ну подумай сам. Он ляпнул про чудесную Белую Гриву, лишь чтобы тебя позлить да послать куда подальше. Не нужна ему никакая чёртова лошадь, ни грива её, ни копыта, ни... рога! Не найдёшь ты её и всё равно вернёшься.

— Я знаю, где искать, — слукавил младший брат. — А возвращаться без Гривы я не собираюсь. А коли не вернусь, то ты не переживай. У отца есть ты — силёнка и умишко. А я так. Только смуту посеять могу, а потому... бывай!

Ольгир обошёл гнедого скакуна, красуясь, перепрыгнул через поваленное дерево и скрылся в золотистом полумраке. Изогнутое дерево потянулось тонкими руками ветвей к Ольгиру, зацепило пальцами за алый плащ, но сын конунга лишь одёрнул полы, обломав сухие ветви.

— Ольгир! — в последний раз окликнул Лейв брата, а потом плюнул и сквозь зубы процедил: — Вот дурной!

Он взъехал на холм и только тогда обернулся на лес. В золоте солнца тот казался обычной чащобой, но по телу Лейва пробежала нехорошая дрожь. «Вот ведь опечалился. Да чёрт с ним, прости Господи! Такой действительно не пропадёт!» — подумал он, крутя рыжеватый ус, и пустил коней в сторону города.

— Какой же ты дурень, братец мой, — продолжал бушевать Лейв, крепче обычного сжимая ногами бока лошади. — Что за троль подкинул тебя? Что за дурная кровь течёт в твоих жилах? Почему же ты никого не слушаешь?!

Лейв мчал вперёд, предаваясь яростным и обидным мыслям, а на горизонте уже виднелся город, да шумело близкое море.

Десять дней Ольгир бродил по далёким одалям, которые начинались за сплошным еловым лесом. Нутро больше не горело гневным огнём, но сморённое было своеволие снова крепло и росло в сердце. Разодранная губа давно уж зажила, так что Ольгир снова мог ухмыляться привычным широким оскалом.

Не так был страшен лес, как шептали о нём люди и говорили слухи да легенды. Водилась обильно дичь, пели обыкновенно птицы, и лишь руины древних каменных и деревянных капищ бессмысленно и безголосо славили прежних богов. Время ещё не изгладило рисунков морщин на грозных круглоглазых лицах, но Ольгир без страха, лишь с интересом рассматривал их. Касался, закрывал глаза и, не опуская ладони, слушал себя, выискивая отзвуки ответа. Но внутри всё молчало, и Ольгир хохотал, сощутив глаза. Об этих ли богах мать рассказывала сказки, прядя тонкую нить? О них ли думала, когда отец учил её молитвам?

Теперь уж они в прошлом. Как и мать. Давно ушла она из жизни, оставив после себя на земле лишь неудобного отцу сына.

Встречал Ольгир на своём пути и громадные камни, что по ночам будто бы неспешно шагали куда-то в сторону северо-восхода. Бывало, засыпал он ногами в задуманную сторону, брал за ориентир косматые скалы, а наутро обнаруживал, что за ночь большие камни сместились. Не сильно, не более чем на локоть. Однако полагаться на замшелые скалы Ольгир прекратил — не иначе, то были тролли.

Уже несколько лет Ольгир слышал от охотников, что тролли уходят дальше от Онаскана, и те, что были порезвее, уже давненько покинули здешние одали, оставив после себя лишь взрытые полосы на земле. А сонные замшелые старики уходили неспешно, так что их запросто было спугать с обыкновенными скалами. Тем не менее троллей Ольгир считал хорошим знаком. Раз уж тут водились они, то и Белая Грива, видимо, был где-то неподалёку. И не такие чудеса встречались в лесу, где прежде жили колдуны.

Белая Грива — то конь, что белее снега. Говорили, что у него серебряные рога, как у оленя или лося, а грива ровно что жемчуг да перламутр. Складывали о ней в землях Онаскана много легенд и небылиц, да только в одном сходились любые саги — появилась эта лошадь на свет из серебряной руды, на которую попало молоко священной коровы. Где он обитает на самом деле и как часто выходит к людям — этого уж точно никто не знал.

Отняв у Ольгира меч, Арн Креститель серьёзно иль в насмешку над собственным сыном велел тому отыскать Белую Гриву, снять с него шкуру да смастерить из рогов его венец. Воевода улыбнулся в бороду, когда услышал просьбу Крестителя, и верные хольды его посмеялись над опозоренным сыном конунга. Знали они, что невозможно отыскать неуловимого Гриву, — никто из них даже не видел его, лишь слышал рассказы от охотников да рыбаков. Понимали они, что если не найдёт Ольгир Белую Гриву, то не захочет вернуться.

Но Ольгир хотел вернуться. Потому он тут же бросился в леса, где, по слухам, видели чудесную лошадь в последний раз.

В здешних непроходимых чащобах Ольгир находил свежие следы конских копыт. Он шёл по ним день за днём, пока не оказался у мелкой быстротечной речушки. Узнав в ней приток реки Полотняной, что впадала в море близ Онаскана, Ольгир понял, что ушёл далеко на восход, обогнув широкой петлёй лес с южной стороны.

За игривым, смеющимся, как юные девицы, потоком начинался светлый лес с редующим меж стволами молодых осин светом. Здесь отпечатки на влажной земле обрывались у кромки воды, в осоке, и Ольгир, приметив далеко в стороне брод, отправился на другой берег. Он опасливо ступал на скользкие камни, смотрел поверх воды и, как только нога его опустилась на траву правого берега, из реки высунулась тонкая рука, схватила его за щиколотку, и Ольгир с шумом упал в воду. Воды расхохотались, и смех их раздался звоном среди камней и деревьев.

Ольгир выругался, вышел на берег. От усталости ли ему уже мерещились духи воды или правда были они здесь?..

Молодое солнце, скрываемое облаками, показывалось несколькими лучами, и те, падая в воду, превращали поток в искрящийся металл. Долго Ольгир высматривал подлых существ, но так ничего и не увидел, только слёзы на глазах выступили от нестерпимого блеска брызг над водой.

Следы копыт, до краёв наполненные чистой водичей, уходили прочь по течению реки, и Ольгир направился по ним. Несколько дней он шёл, как очарованный, за необыкновенным конём, который, казалось, совсем недавно бродил вдоль берега реки. Пил Ольгир воду из этих следов, добывал себе пищу у берега.

И вот следы оборвались вновь. На этот раз — в самом широком месте реки. Противоположный берег стоял далеко, ощетинившись высокими тощими ёлками.

— По воде ли ходишь ты, дух? — нахмурился Ольгир. Он перевёл взгляд на далёкий берег и готов был поклясться, что среди серых ветвей прошёл белый неслышимый призрак.

Река утекала дальше и дальше, становясь всё шире и полноводнее, а на самом глубоком месте её стояла переправа. Кругом не было ни души, но две добрые лодки всегда лежали у воды, дожидаясь редких путников.

Девушка, что жила здесь, и не ожидала появления никого чужого. Она сбросила на землю платок, покрывавший её плечи, и осталась в одном лишь сером платье, которое завязала узлом выше колен и заправила за пояс, сотканый с вплетением синих ниток.

Летнее солнце, ещё не решившее, садиться ли за горизонт или остаться, бросало на воду ослепляющие блики. Неспешно и лениво скатывалось оно вниз с зенита. Мелкая дрожащая волна около берега волнующе блестела и жарко искрилась. Казалось, раскалена она добела. Девушка удобнее перехватила копьё и медленно вошла в реку, загребая пальцами ног песок. Обманчив был тёплый блеск. Пусть и отражалось на поверхности реки солнце, да не нагревало оно воду.

Девушка зашла глубже. Мелкие рыбёшки, не больше пальца длиной, разбежались скорей, а потом сомкнулись за её спиной плотной серебряно блестящей стайей. По телу побежали мурашки, девушка дёрнула плечами, но продолжала заходить всё дальше и глубже. Имелась тут, прямо возле переправы, небольшая заводь, и частенько возле неё можно было поймать крупных рыбин, больше чем с ладонь, а то и в локоть величиной.

Перейдя неглубокое место вдоль берега, почти не намочив платья, дева почувствовала, что река начинает мелеть. Ступала она осторожно, хоть и помнила каждый изгиб заводи, каждую выемку и ловушки вязкого ила. Один неверный шаг — и ухнешь с головой. Наконец, добравшись до богатого рыбой места, девушка взялась

за копьё, чуть наклонилась над водой и замерла, точно тонкое деревце в полуденный штиль. Ил, песок и мелкая галька оседали покойно, следуя за неспешным течением.

Солнце закатилось в облака, и воздух раздался холодком. Вода вдруг потеряла весь свой живой блеск, стала прозрачным лоскутом, растянутым над дном. Дева часто заморгала, сбивая пляшущие огонёчки слепоты перед глазами, пока не заметила, как лениво шевельнулось дно около её отставленной вперёд ноги. Вытянутое тело с жирной спинкой и острым плавником отделилось от ила, очертив свой облик.

«Чуть не проморгала, — пронеслась мгновенная мысль в голове девушки. — Слепая ты, Ингрид!»

Она занесла копьё и резким движением вонзила остриё в цель. Рыба испуганно ринулась прочь, напоследок полоснув по ноге Ингрид плавниками и мощным хвостом. Та фыркнула и снова замерла, ожидая, когда успокоится дно и появятся другие рыбины. На поверхность воды вновь упали солнечные лучи. Ингрид сощурилась, но свет лишь растекался и множился, мешая разглядывать дно. Но тут и солнце-помощник — в золоте, расплавившемся и текучем средь синевы и звенящей серости, высветило мелькнувшее серебро. Не теряя ни мгновения, Ингрид тут же пронзила его копьём. Вода окрасилась красным, и Ингрид достала рыбину, пробитую насквозь. Не жалея сил, рыба лупила хвостом, мотала головой, пытаясь сорваться, но Ингрид, схватив её твёрдо, стащила с древка, опустила в корзину, привязанную к поясу, и тут же накрыла крышкой.

Вторую рыбу пришлось подождать дольше, зато за ней тут же пришли третья и четвёртая. Дальше копьё било впустую, но Ингрид не расстраивалась, зная, что сегодня её маленькая семья — она да отец — уснёт не с пустыми животами. Корзина наполнялась медленно, но верно, и, когда солнце приблизилось к горизонту, крышка уже едва закрывалась. Последнюю рыбу Ингрид, истерзав остриём, бросила обратно в воду — в благодарность реке.

Она вышла на берег, торопясь, выпотрошила улов, всё следя за солнцем — хоть бы не скатилось за лес, пусть ещё погрееет замёрзшие ноги и руки. А оно и не спешило, точно зная, что его заждались в этом холодном краю. Надо же, чтобы ягоды забродили, чтобы детёныши зверья всякого окрепли, радуясь его лучам, чтобы прогрели на свету свои старые одеяла люди.

Управившись споро с работой, Ингрид снова отправилась к реке. Постояла на берегу, чувствуя, как целует её ступни мелкая волна, сняла платье и неспешно голышом зашла на глубину. Всё тело её затрепетало от холода и счастья, дрогнули сомкнутые и слипшиеся от молчания губы.

Не было раньше у этой реки имени, но путники, которые выходили к ней, прозвали её Тёплой, так как зимой река чудесным образом не замерзала. Лишь в самые жестокие зимы покрывался хрупким ледком её быстрый поток. Жили на её берегах, как и везде прежде, колдуны суми. Мало кто из них в действительности знал чары, но гёты, пришедшие сюда на ладьях и основавшие вдоль берега моря и рек свои поселения, не разбирались в укладе старожилов. Всех без разбору называли колдунами да страшились, а со страху убивали и гнали прочь.

Не было никогда раньше у реки имени, но всегда была у неё душа. Живая, человеческая. Ушли колдуны суми вглубь лесов, подальше от морей, откуда приходили чужаки. Ушли, но порядки свои оставили.

Недолго пустовали берега лесной реки. Частенько к ней выходили путники, идущие к Онаскану. А так как зимой пройти по реке было нельзя, переселенец Йорген решил построить переправу в самом глубоком месте реки. Края тут всегда были дивные. Лес являлся домом для неисчислимых диких стад и птичьих стай. Он дарил дерево для постройки жилья и лодок, орехи в пищу и ягоды, сок которых, если перезреют, становился сладким и пьянящим.

Йорген поставил на берегу дом и обнёс его частоколом. Принялся переправлять с одного берега на другой заплутавших путников да жителей близлежащего поселения, которые шли в Онаскан. Когда, уже стариком, Йорген умер, его сыновья Хаук и Льёт, вернувшись из походов да принеся с собой знатную добычу, продолжили дело своего отца.

Тем и кормилась семья, жившая тут несколько десятилетий: охотилась, собирала орехи и ягоды, рыбачила да на лодках переправляла скитальцев. Оттого и стоят по сей день на берегу у серой песчаной полосы старый дом и высокий частокол, защищающий от волков и кабанов, а у воды сложены две лодочки-долблёнки.

Только семья, прежде большая, теперь состояла из двух человек — отца-старика и его дочери Ингрид. Отец ходил на охоту, рыбачил, и сухое, худое, но сильное тело его само было как тетива или леса. Дочь же его была высока и крепка. Плечи, как у иного мужа, — широкие и сильные, лицо твёрдое, спокойное. Только шрам на губе превращал её улыбку в недовольную гримасу. А улыбалась она редко — бывало, запрыгнет в лодку рыба, Ингрид и засмеётся, мол, глупая ты, воду с деревом путаешь. Или пройдёт по берегу белый жеребец с рогами оленя — проводит его Ингрид долгим восхищённым взглядом. Конь остановится у воды, напьётся, посмотрит на неё и уйдёт обратно в лес. А Ингрид уж гребёт изо всех сил к берегу, нажимая на вёсла сильными мозолистыми ладонями. Пристанет к берегу — и бежит за чудесным зверем. Окликнет его, позовёт. Остановится лишь на полянке с красными ягодами, чтобы отдышаться, а белого коня с оленьими рогами нигде уж и не разглядеть.

Тогда только и улыбалась Ингрид.

Всю жизнь свою она прожила около Тёплой. Не знала никогда ни высоких стен Онаскана, ни чужих поселений, а потому быстрая река казалась ей самым прекрасным местом на свете. Никого, кроме отца и редких путников, не видела она и оттого не могла разглядеть

красоту и доброту в человеческих лицах. Зато рыбью блестящую шкурку считала прекрасной, и Ингрид, рассматривая свою покрытую чёрными волосками кожу, находила её уродливой. Путники не говорили с ней — лишь договаривались о плате за переправу, а Ингрид и тому рада была.

День ото дня Ингрид приходила к реке — лишь в воде чувствовала она свою силу: безмолвную, тугую, гибкую, но непокорную. От этого, может, и глаза её были серые, как сталь водной глади, а волосы тёмные, струящиеся, словно подводные течения, до которых не достаёт солнечный луч. Не раз говорил ей отец, что красивой она станет женой и матерью, но только Ингрид его и слушать не желала.

— Себе я верна. Себе и воде, — был ответ её.

Старик Хаук не перечил ей, лишь согласно кивал. А тем временем минуло Ингрид прошлой зимой девятнадцать лет — отец заботливо считал каждый год.

Ушли колдуны в непроходимые чащобы, а порядки свои оставили, и Ингрид, сама того не зная, продолжила их традиции. Манила её река, будоражила, пьянила. Выросла Ингрид вместе с Тёплой, и тайна родилась меж ними: обвенчалась она с рекой, как прежде венчались колдуньи из племён суми с водой. Стала для Ингрид река и женой, и мужем.

Ингрид нырнула, достала рукой до ключей, что расталкивали своей силой ил и мелкие камешки. Вода на дне была мутна от их непрерывного движения, но стоило оттолкнуться ногами, помочь себе единой взмахом рук, откроешь глаза, взглянешь вокруг и увидишь всё точно в воздухе — так чиста была вода. Над головой проплывали пучки водорослей, похожие на копны женских волос. На миг они заслоняли солнце, а потом уходили прочь вместе с течением, дабы зацепиться за берег и прирасти на мелководье. Ингрид вынырнула, чтобы глотнуть воздуху, а потом снова опустилась на дно.

Зелень и синева правили здесь, когда солнце в редкие дни светило в полную силу, покрывая поверхность реки бликами, похожими на чешую. И вот, устав от ныряний, Ингрид поднялась, глотнула воздуха и замерла на поверхности, раскинув руки. Ледяная вода и тёплый воздух спорили рядом с её телом.

Так, плавая на спине и неспешно шевеля ногами, она думала о многом. О лесе, о белом коне с оленьими рогами, что так часто являлся в этих краях, размышляла о себе и воде, об отце, припоминая его рассказы о южных жарких землях, где белеет не снег, а песок. Хаук мешал свои истории с легендами о богах, так что Ингрид, путаясь, останавливала его. Иногда в рассказах появлялась её покойная мать, и тогда Ингрид, затаив дыхание и приоткрыв рот, слушала отца, пусть и знала эти истории почти наизусть — с рождения приросли они к её сердцу. Правда, и старик был не так-то прост, часто добавлял новое: что-то стиралось из памяти, что могла напомнить дочь, а что-то придумывалось на ходу, с лукавинкой. Но мать Ингрид и старшие братья навсегда оставались сухими рассказами, точно не хотел отец проверять их жизнь, боясь испортить даже мелкой незначительной присказкой. Правдивая сага срывалась с его языка.

А ещё отец рассказывал о море. И так поражало оно Ингрид величиим своим, что долго не могла уложить она эту бескрайнюю и безбрежную мощь в голову своей.

— Это как широкая река? — спрашивала она тогда.

— Нет, — отвечал Хаук с улыбкой. — Больше.

— Это как пять широких рек... нет. Десять?!

— Нет. Больше. Ещё больше. Ещё злее и темнее.

— И волны, наверное, высоки...

— До самих парусов бывает. Немало людей погубили. Держись за весло, а случалось, повернёшься, а друга твоего уже и нет — держался слабо. Наверное, потому вода солёная и тёмная, что кровью нашей и потом напиталась. Засолилась.

— Солёная? — переспрашивала она удивлённо.

— Да. Как кровь, только рыбой отдаёт.

И Ингрид всё думала, как может быть солёной вода.

А потом снова спрашивала:

— А у моря есть свой бог?

— Есть, конечно. Бог могуч, силен, как само море.

Поговаривают, будто пена морская — это борода его белая и седая. А волны поднимаются, так это оттого, что он гневается, мол, в бороде его щепки запутались — надобно стряхнуть.

Ингрид смеялась. Хоть отец и смотрел печально, он улыбался.

— А у реки свой бог тоже есть?

Отец тогда чесал бороду, задумавшись, и отвечал:

— Не думаю, не слыхивал я о таком. Были, конечно, в воде речной духи, злые и добрые, но про богов вот не слыхивал.

— Тогда я буду её богом, — с удовольствием, но тихо, чтоб не услышал отец, шептала Ингрид.

Она ухмыльнулась дрожащими губами. Пора бы выходить из воды. Она медленно поплыла к берегу, нарочно не нашаривая дно, пока животом не коснулась песка. Ингрид вышла на берег, чувствуя, что окончательно замёрзла, подставила спину солнцу, расплела длинные тёмные косы. Когда тело обсохло под ласковыми лучами, она торопливо оделась.

Провожать день Ингрид поднялась на холм — любила она с него смотреть на зелёную шапку леса и пролысину двора, обнесённого старым частоколом. Расчесав ещё влажные волосы гребешком, она заплела их в одну рыхлую косу, которую перевязала любимой голубой лентой. С собою Ингрид прихватила дудочку. Облизав засохшие губы, она тихо дунула в неё и, поймав нужный звук, продолжила песню. Отец всё не возвращался — наверное, решил заночевать в лесу, поэтому песня была тонка и грустна, но таила в грусти своей тихое счастье от прожитого дня. За днём, почти минувшим, слагались в прошлое былые дни и воспоминания.

Погода стояла тихая и покойная. Не чувствовалось ветра ни с моря, ни со стороны далёких гор. Вода была как полотно — ничто не нарушало её невидимого движения. И в этой хрустальной тишине ясно и грустно звучала дудочка. Она замолкла только тогда, когда из лесу на берег вышел незнакомец — молодой мужчина. Ингрид отняла дудочку от губ и с тревогой пригляделась к нему.

Он был одет невзрачно, но добротно. На рубашке не виднелось ни дырочки, ни заплатки, а за спиной на кожаном ремешке вместе со скудными пожитками висел алый плащ. В руках незнакомец держал лук. Мелькнул в просвете древ закатный луч, и волосы незнакомца окрасились золотом, да таким, что позавидовала бы сама жена Асабрага.

Мужчина заметил Ингрид, сидящую на яру, и обратил к ней свой взор. Она затаила дыхание — так прекрасен он был. Кажется, за всю свою жизнь не видывала она человека здоровее и краше. Мужчина махнул ей рукой, подзывая к себе.

Ингрид сошла с холма ему навстречу, заткнув дудочку за пояс. Вблизи незнакомец оказался ещё пригожей. Был он невысок, но хорошо сложен. Кожа его сияла, как ясное солнце, на скулах и носу пестрела россыпь веснушек. Золотистые волосы лежали на плечах тугими кудрями, а под рыжими усами в бороде играла ухмылка. Лишь голубые глаза отливали зимним колючим холодом. Ингрид смело заглянула в эти глаза, без тени стыда или страха, точно в лицо своему отражению на воде. Незнакомцу понравилась её гордость, усмешка на его губах превратилась в улыбку. Он прищурился, присматриваясь к ней с любопытством.

— Тут ли переправа через Тёплую? — не приветствуя спросил он.

Ингрид молча кивнула.

— А до брода далеко ли?

— Нет, — ответила Ингрид. — Но там придётся пробираться через камыш почти по пояс в воде. Можно пройти до порогов, где водят скот, но вот туда уже далеко идти.

Незнакомец покачал головой. Знал он, в какой стороне пороги, но идти туда не было никакого желания. Не дожидаясь ответа, Ингрид пошла к лодке, столкнула её в воду, придерживая за верёвку, и одним лишь взглядом пригласила незнакомца сесть.

— Скорая ты, — усмехнулся мужчина. — А как же плата? Возьмёшь?

— Возьму, — твёрдо ответила Ингрид. — Отец просил брать ломаное серебро или что-нибудь съестное.

Мужчина полез в сумку, доставая кошель. Выудил ломаную серебряную пластинку и тут же добавил к ней три целые серебряные монеты, на каких красовались кресты и лица.

— Что же, это слишком много. Я не возьму лишнего.

Незнакомец бросил на Ингрид насмешливый взгляд.

— Больно ты честная. Вот только и я честный, а потому плачу за твою работу целым серебром. Возьми. — Он протянул ей монеты. — Кто, кроме меня, даст тебе столько? купишь себе ещё лент в волосы. Будешь не только честная, но и красивая.

Ингрид почувяла неладное — слишком уж добр был к ней чужак. Не встречала она прежде подобного отношения ни от кого, кроме как от отца. Ингрид строго посмотрела на протянутую к ней ладонь с монетами и несогласно качнула головой, прикусив тонкие губы.

— Я не возьму лишнего, — повторила она.

Улыбка на лице мужчины стала ещё шире. Его явно забавляло то, как всё складывается. Что-то он придумал, и это читалось в его взгляде. Лицо Ингрид оставалось непроницаемым.

— Как тебя зовут? — зачем-то спросил мужчина.

«Какое тебе дело до моего имени?» — хотелось ответить ей, но вместо этого она негромко произнесла:

— Ингрид.

— Ингрид, — повторил мужчина, будто смакуя имя на устах. — Меня зовут Ольгиром. Знаешь, что я скажу тебе, Ингрид. Возьми-ка ты это серебро и выполни свою работу честно. Так, как считаешь нужным.

— Как же?

Сняв башмаки, Ольгир зашёл в воду и подобрался к Ингрид так близко, что она могла рассмотреть каждую веснушку на его щеках. Он поймал своей сухой рукой её ладонь и вложил все до единой монеты, после чего сжал её пальцы в кулаке, точно не хотел, чтобы серебро упало в воду. Ингрид ощутила на своей шее его горячее дыхание, и сердце её забилося, готовое выскочить из груди. Дурные мысли муравьями полезли в голову одна за другой, страха и мучая её.

Ольгир же, оставив плату, шагнул мимо и ловко забрался в лодку. Сердце Ингрид рухнуло в пятки.

— Раз уж честность для тебя так много значит, то покатай меня на лодке от одного берега до другого, пока не отработаешь моё серебро.

Ингрид недоумённо свела брови, и Ольгир рассмеялся звонко и задорно. Смех его был так заразителен, что губы Ингрид дрогнули в подобии улыбки.

— Будешь катать меня всю ночь, так я тебе всё своё серебро отдам, — лукаво произнёс он.

Ингрид села в лодку напротив Ольгира, бросила под ноги верёвку, устроила вёсла в уключинах и налегла грудью. Вода шумно разошлась под лодкой. Река была тут не так широка, но быстрое течение не позволяло добраться до противоположного берега скоро и без особых усилий. Ольгир без утайки рассматривал Ингрид, её сильное девичье тело, ещё не согнувшееся от работы и не осевшее от родов и кормления. Ингрид, чувствуя на своей груди чужой взгляд, еле сдерживалась, чтобы не ударить незнакомца веслом.

Плыли они молча, и вскоре это наскучило Ольгиру. Он снова сощурил голубые глаза, как показалось Ингрид, недобро.

— Тебе не любопытно, как я забрёл сюда?

— Нет, — каменным голосом ответила она, налегая на вёсла и борясь с течением.

— А мне вот любопытно, — протянул Ольгир. — Как задумаюсь, так диву даюсь, что же со мной такое случилось. Стыд берёт и злоба.

Последнее слово он произнёс с еле слышимым рыком. Голос его ожесточился. Но заметив напряжение в лице Ингрид, Ольгир вновь ухмыльнулся, смягчая сказанное. Ингрид успела привыкнуть к этой его усмешке, которая, казалось, появлялась на его лице вне зависимости от того, что лежало у Ольгира на сердце.

— Я провинился перед отцом, и он изгнал меня. Сказал, что не ждёт дома, пока не принесу ему Белую Гриву. Слыхала о таком?

— Нет.

— Это белый жеребец с оленьими рогами. Хвост у него из перламутра, а копыта и рога — из серебра. Я сам и не думал, что он правда существует, да только видел я его сегодня днём своими собственными глазами. Ходил тут неподалёку. Следы его видел аккурат у порога твоего дома — так близко был... Видала?

Ответом ему была тишина. Ольгир снова ухмыльнулся. Лицо его давно привыкло к этому выражению, и теперь оно появлялось и вместо улыбки, и вместо злого оскала.

— Вбил себе в голову мой старик мысль, хочет, чтобы я принёс ему шкуру коня. Вот я и ищу его, кажется. А на самом деле как будто бы я ищу прощения. Хотя, знаешь, — он фыркнул в усмешке, — думаю, рога из серебра и мне бы не помешали. Тяжёлые, наверное, они. Дорогие...

Ингрид рассердилась, испугавшись, что Ольгир и впрямь сможет отыскать и убить дивного коня, кото-

рого так часто видела она в лесу у дома. Но ещё сильнее Ингрид сердилась на себя, за то, что допустила, чтобы незнакомый мужчина так запросто играл ею и забавлялся её присутствием и работой. Внутри неё росла обида, но виду Ингрид старалась не показывать, оставаясь холодной, замкнутой. Лишь серые глаза её стали острыми, как узорная сталь на лезвии ножа.

Ингрид развернула лодку одним мощным движением. Злоба давала ей сил. Теперь они плыли назад к её жилищу. Мысленно Ингрид взмолилась, чтобы отец вернулся скорее из леса и дал отпор незнакомцу.

Вода расходилась от лодки, уплывала сама от себя. В ней отражалось жёлтое небо долгого вечера, неспешно превращающегося в белую ночь, и птицы со светлыми крыльями, которые, найдя на миг и вновь потеряв свой нежный облик в отражённом небе, летели прочь искать себя на суше. Последний луч солнца скользнул по сильным оголённым рукам Ингрид и открытой шее, вызолотив тонкие волоски на коже. Ольгир умолк, любуясь ею.

Ингрид снова развернула лодку, надеясь, что ему уже наскучило плавание от одного берега к другому. Солнечный свет потух, исчезнув в небесах и воде, но его часть будто бы осталась медным отсветом в тёмной косе Ингрид, переплетённой потёртой голубой лентой. Ольгир развернул свой плащ и накинул на плечи, спасаясь от подступающего холода. В руках его блестела большая фибула.

— Остановись, — голос Ольгира прозвучал властно.

— Нас снесёт.

— Ну и пусть. Я дал тебе достаточно серебра. Вытащишь лодку и донесёшь.

Ингрид нечего было ответить на эти слова, но она продолжала упрямо грести.

— Да стой же.

Ингрид подняла над водой вёсла. Течение, развернув лодку носом вперёд, неумолимо понесло их прочь от переправы.

— Положи их в лодку. — Ольгир кивнул на вёсла.

— Чего ты добиваешься? — недоумённо вскинулась Ингрид. — Я не хочу ни за какое серебро волочь лодку от брода до дома!

— Положи их в лодку, — повторил Ольгир. Правая щека его дёрнулась.

Ингрид заглянула в насмешливые глаза и, не опуская взгляда, вытащила вёсла. Она смотрела на него теперь уже с плохо скрываемой ненавистью. Сколько же лис он прячет за ушами?

Холодок прошёл по коже Ольгира от её пронзительного гордого взгляда. Он облизал пересохшие губы и резко потянулся к ней всем телом. Губы их соприкоснулись, и Ольгир схватил Ингрид за волосы, плотнее притягивая к себе. Ингрид вновь опалило его горячим дыханием. Она замерла, не зная, как вести себя. Тело её стало безвольным и непослушным.

Ольгир жадно и требовательно впился в её губы. Ладони его сновали по телу Ингрид, и от каждого прикосновения в крови загорались искры. Голова опустела, мысли покинули её, и всё, что осталось, — это сбивчивое из-за поцелуев дыхание да обезумевшее сердце. Весь мир куда-то унёсся, не оставив времени на размышления.

Ольгир нетерпеливо приподнял подол её платья, и мозолистые пальцы его коснулись нежной кожи бёдер. Ингрид как иголками пронзило. Она отшатнулась от Ольгира, вжалась в лодку и бросила на него яростный взгляд. Пугающее ощущение реальности нехотя возвращалось к ней. Всё тело её затрясло как в лихорадке.

— Не трогай меня, — непослушными, дрожащими губами произнесла она.

Ольгир склонил голову, вновь ухмыльнувшись.

— Клянусь, я убью тебя, если ты ещё раз тронешь меня. — Голос её обрёл силу. — Проклятием стану!

Снова та же полуулыбка. Ольгир, не обращая внимания на её слова, вновь приник к её телу. Он несильно прикусил её за шею и потянулся своими устами к её

— Тролье ты отродь! Куда подевалась?! Вернись сейчас же!

Не показываясь на поверхности, Ингрид отплыла в сторону. Воздуха в груди не хватало — страх сжимал лёгкие, но она боялась вынырнуть. Тень лодки, увлекаемой быстрым течением, проплыла над её головой. Ингрид пристала к берегу и, зацепившись за корни, уходящие глубоко в воду, наконец вынырнула. Река сберегла её, спрятав от злого взгляда в тени берега. Ингрид дрожала всем телом, но не от холода, а от страха. Грудь её распирало от бесслёзных рыданий. Лодку уносило прочь, и Ингрид, взывая к праотцам, взмолилась, чтобы этот незнакомец не нашёл её вновь.

Лодка плыла всё дальше и дальше, точно назло Ольгиру не натываясь на отмели. Приближаясь к берегу, лодка замирала, словно в раздумьях, а потом снова неспешно пускалась прочь, несколько кренясь. Частокол у переправы скрылся за холмом. Ольгир зарычал. Бросаться в воду не хотелось. Вода была ледяной, даром что реку обозвали Тёплой. Сумерки холодили эту прозрачную кровь земли, напивывали своей нетерпеливой темнотой и остывающим горем. Река мстила ему.

И всё эта дрянная Грива. Не поверил бы, коли своими глазами не увидел. Ольгир ещё раз бросил злобный взгляд на берег и скрипнул зубами, внутренне кипя от ярости. Так ненавидел он любые неудачи и в гневе своём был страшен, отдаваясь ему всецело.

Надо решать, как быть, и скорее действовать, пока не накатило угрюмое бессилие.

На берегу точно кто-то развёл огонь. Ольгир, заметив свет, окликнул людей, но ответа не было, а свет, усиливаясь

и белея, подбирался всё ближе и ближе к воде, решительно расталкивая сумерки, что разбегались, путаясь в своих волосах и длиннополых платьях. Свет шумно фыркнул, и Ольгир, прежде сомневавшийся в том, чтобы нырнуть в воду, теперь же не раздумывая выпрыгнул из лодки, предварительно перекинув на берег лук и часть вещей.

Намокнув, одежда потянула вниз, к далёкому дну. Растерявшись, Ольгир запутался в отяжелевшей ткани — плавал он плохо. Наконец ноги его нащупали дно, оттолкнувшись, Ольгир устремился наверх и торопливо поплыл к берегу, вразнобой перебирая ногами и руками. Он вышел из реки, распрямылся, раздражённо глянул на мокрую одежду, с которой текло ручьями. Холодная вода несколько не уладила его пыл, лишь раззадорила.

Он быстро переоделся во всё, что осталось сухим, попутно прислушиваясь к звукам леса. Белая Грива всё это время был где-то совсем близко. Ольгир бросил мокрую одежду на берегу, подпоясался ремнём с висящим на нём дорогим ножом, подобрал лук и заозирался по сторонам, прикидывая, куда следовать.

Ольгир снова оказался в непроглядном еловом лесу, и долгий день не мог изгнать всю тьму, что поселилась здесь однажды. Казалось, сюда не заглядывало солнце. Под каждым деревом мерещились дымные тёмные твари, похожие на сплетения резных узоров с храмовых стен. Они смотрели на незваного гостя с опаской, но и с любопытством, будто предвкушая, как будут водить его ложными тропами и истязать страхами.

Река, как черта, отделяла этот тёмный еловый лес от ясеневоего, что остался за спиной. Ольгир всматривался в сумрак, заключённый в клетку из хвойных лап. Сумерки казались живыми, похожими на пыль и дым. Каждая злосчастная частица мрака, каждая чёрная тварь была сама по себе и служила лишь одному своему существу, боясь ещё объединяться под стягом ночи.

Услышав шум потревоженных вдалеке ветвей, Ольгир юркнул за широкое дерево. Но шум был ложным —

вскоре он продолжился криком сойки. Тогда Ольгир вышел из своего укрытия и обратил взор на землю, выискивая следы. Глаза подводили его, боясь темноты, слепли в ней, чтобы не видеть пугающего. Но всё было спокойно на том месте, где, как показалось Ольгиру с воды, разразился белый костёр.

Чувствуя тупую и глухую злобу, Ольгир решил углубиться в чащу. Он шёл осторожно, будто был рождён диким зверем в этом уродливом лесу. Ветки тянулись к нему, смыкая колючие иглы то на шею, то на запястьях, то отнимая лук. Ветки были словно руки. Ольгир старался обходить их. Одна из этих рук так обхватила его правую кисть, что Ольгир, не ожидавший этого, шумно вздохнул и дважды рубанул ветвь ножом. Та переломилась пополам и обмякла. Из древесной раны выступила прозрачная клейкая кровь, медленно наливающаяся краснотой. Ольгир не был суеверен, и в рассказни древних старцев не верил, но сердце его бешено заколотилось от такого зрелища.

Прибавив шаг, он пошёл скорей, доверяя своему чутью, но сохатого коня так нигде и не встретил. Земля, вся застланная гнилой листвой, ветками и палой хвоей, была влажна. Ольгир оставлял за собой глубокие следы, куда бы ни пошёл, но Грива, видимо, ходил и по воде, и по воздуху. Ветки трескались от его прикосновений с грохотом грома, выдавая каждое движение, — Ольгир был напуган, и лес, чувствуя и вдыхая его страх, давил всё сильнее. Нос раздражался запахом гнили и потрошённой плоти; кровь чудилась в каждой сломанной ветви, с каждого сорванного листика текла бесцветная прозрачная жидкость, похожая на ту, что сочится из ран. Ольгир закрыл лицо ладонью, но, прислонив её к коже, вздрогнул, почувствовав что-то липкое. Он отнял руку от лица и увидел, как с неё течёт холодная мерзкая кровь. Ольгир попытался вытереть её о мох, растущий на ближайшем дереве, но только коснулся поверхности, дерево рассыпалось трухой, и рука по самый локоть увязла в гнили. Ольгир попробовал вытянуть её, но дерево не

отпускало. Зарычав на него, как волк, он ударил ножом в зелёное пятнышко мха, и дерево, ослабив хватку, разомкнуло своё чрево, высвободив руку.

Так он шёл дальше, тихо взрыкивая на каждую ветвь, что начинала тянуться к нему в заботливом материнском жесте. Будто почувствовав достойный отпор, лес усмирился, успокоился и позволил продолжить охоту. И тут Ольгир снова увидел белую вспышку. Он замер, пытаясь разглядеть очертания света, но тот был слишком размыт и туманен. Так, вглядываясь азартно во тьму с растущей надеждой, Ольгир совершенно потерял бдительность, и лес подлю воспользовался этим.

Из-под ног вдруг ушла земля. Ольгир упал, чуть ли не налетев на собственный нож. Схватившее его за штанину чудище поволокло Ольгира под выступающими над землёй корнями вниз по склону. Он постарался ухватиться за округлый корень, но тот прахом рассыпался под ладонью. Извернувшись, Ольгир попытался разглядеть то, что схватило его, и оно, точно смуглившись, вдруг отпустило и бесшумно исчезло, растворившись во мраке, а может, это и был сам мрак...

«Тролли! — догадался Ольгир, услышав подсказку колотящегося сердца. — Вот кто наводит на этот лес мрак и страх!»

В голове его вдруг сам собою возник лик девы с переправы. Ингрид. Уж она-то точно не боялась леса, и он не трогал её. Сама, наверное, принцесса этих лесных троллей. Догадка отчего-то развеселила Ольгира. Он тихонько рассмеялся, глядя вверх, на кроны, и не видя звёзд.

— А в прошлый раз ты не пытал меня, — смеясь, проговорил Ольгир и похлопал землю ладонью, будто друга по плечу.

Лес ответил ему пронзительным и хриплым криком совы. Точно сама Смерть вскрикнула над его головой.

— Что, лес?! Что кричишь? Эй вы, тролли! — хрипло закричал Ольгир. — Вступились за свою принцессу? За ту речную девку?

Он снова рассмеялся и опустил голову на мягкий мох. Слышно было, как стучит напуганное сердце.

Ольгир отдышался, сел на земле так, что окружающие деревья оказались от него на равном расстоянии, что создавало хотя бы призрачное ощущение спокойствия и защищённости. Рядом валялся лук. Ольгир был весь вымазан в грязи, так тухло пахнувшей кровью, что тонкое обоняние его, так и не свыкнувшись с мерзкой вонью, просто отказало. Дышать ртом было проще, но, оседая на горле, запах вызывал тошноту. Ольгир поднялся, подобрал лук, погрозил всему тому, что было у него за спиной, ножом и двинулся в сторону света.

А свет этот никуда и не уходил, точно дразня, остановился в двух сотнях шагов от Ольгира. Отчего-то не пугался этот стук белизны ни непривычных звуков, ни самого леса. Все деревья, казалось, льнули своими молодыми побегами к неведомому существу, боясь навредить тому своими бугристыми и сухими отростками. Ольгир смотрел на белого жеребца из своего убежища, понимая, что не удастся ему никак остаться незамеченным. Лес выдавал его со всеми потрохами, насмехаясь и подставляя под ноги коленистые корни, а в лицо швыряя листья, перепачканные кровью.

Вот она — такая близкая добыча! Она принесёт немало славы... А отец... А что отец? Дурная утеха и игрушка для старого человека этот Белая Грива. Ольгиру не нужны были в этот миг ни шкура его, ни венец из рогов, ни прощение правителя. После стольких дней странствия он нашёл то, за чем следовал, что дразнило его и злило, и теперь он, криво ухмыляясь, упрямо пошёл к своей добыче.

Ольгир достал стрелу, вложил в тетиву и, прицелившись, отпустил оперённую от щеки. Стрела пролетела, но не достала до цели. Белая Грива, кажется, даже и не заметил того, оставшись стоять на прежнем месте. Ольгир взял ещё одну стрелу и, приподняв наконечник повыше, вновь отпустил тетиву. На этот раз он не увидел, куда упала стрела.

— Слишком далеко, — прошипел Ольгир и, потянувшись было за третьей стрелой, махнул рукой.

Он медленно приближался к коню. Деревья, озаряемые его таинственным светом, были ещё кошмарнее и страшнее, чем во тьме. Ольгир слеп, терял тонкий нюх, и уши его боялись уж слушать, но он шёл, почти не моргая, глядя на Белую Гриву.

Конь знал эти места, а Ольгир — нет. Лес любил Гриву, а его — нет. И всё же он, движимый лишь стремительной и упрямой силой, шёл за конём. Но расстояние между ними оставалось неизменным, и Ольгир, не стерпев, сорвался с места на бег.

Ветки хлестали по лицу и одежде, цеплялись за волосы, желая выдрать их, но Ольгир не замечал всего этого, продолжая преследовать добычу. В руках у него был лишь нож, но в сердце была сила, в теле бурлила кровь. Лук он бросил, когда тот в очередной раз застрял в ветвях. Когда деревянные руки хватили Ольгира за плечи, то опрокидывая на спину, то швыряя в сторону, он поднимался, рубил их нещадно и быстро. Деревья кричали, и от этого крика всё нутро Ольгира сжималось. Он сам хотел кричать, резать себя ножом, полосовать, как эти ветки, но одного лишь взгляда на сияющий хвост коня хватало, чтобы подняться и заставить себя бежать дальше.

Но и Белой Гриве было несладко — Ольгир видел его сияющую в темноте шкуру, как бы он ни пытался скрыться. Шкура его оставалась чиста и бела, точно лён. Ему приходилось опускать голову к земле, чтобы рога не застревали в низких ветвях, ведь он был крупнее и выше любого лося. Он замедлялся, ожидая, когда неповоротливые и будто ожившие деревья пропустят его вперёд.

Ольгир старался бежать быстрее, но ноги его вязли, скользили. Он падал снова и снова, рассыпая оставшиеся за спиной стрелы, но не терял из виду своей добычи. Он и сам уж чувствовал себя загнанным, пойманным, но отчаянная злоба тащила его вперёд, будто он был при-

вязан за верёвку к копытам сохатого коня. Ловкость и выносливость изменяли Ольгиру.

Но в тот момент, когда он уже был готов упасть и погибнуть, отдаться объятиям этого леса и Смерти, которые вдруг стали для него ликом одной и той же сущности, под башмаками пробилась яркая свежая трава. Её колкие, но упругие грани не мазались кровью, не оставляли на коже красных следов. Конский хвост перестал быть единственным источником льющегося в этот страх света. В прорехах листвы и игл появилось светлеющее небо, окрашенное хмурой желтизной долгого дня.

Ольгир в который раз упал, но тут же заставил себя подняться. Конь перешёл на рысь, также почувствовав уверенность в ногах. Он высоко и гордо вскинул голову, приветствуя блёклую луну, как старого друга. Под ногами его танцевали альвы. Ольгир, не ожидая от Белой Гривы такой прыти, чуть было не закричал ему вслед «Постой!», но клич остался тихим от слабости звуком на губах.

Никогда больше он не согласится идти напрямик через этот лес.

Не давая себе отдыха, Ольгир продолжал гнать себя вперёд, хоть ноги его заплетались и спотыкались.

Вскоре трава стала короче и жёстче — начинались пастбища, примыкавшие к селениям. А там недалеко и город Онаскан. Тут уж силы окончательно покинули Ольгира. Точно загнанная лошадь, он рухнул на траву и закашлялся глубоким и прерывистым дыханием. К глазам подступала темнота, но, моргая и жмурясь, Ольгир гнал её прочь.

Сохатый остановился. Обернулся, махнул хвостом, тонко заржал. Конь обошёл Ольгира по большой дуге, но постепенно стал сокращать расстояние, пока вплотную не приблизился к лежащему человеку. Его грязное лицо было обращено вверх, к светлому небу, глаза закрыты, а рот, напротив, открыт, и из него вырывалось быстрое хриплое дыхание. Белая Грива обнюхал Ольгира и, по-

чувствовав запах крови и гнили, пугливо отпрянул. Рогами своими он случайно коснулся его груди, и Ольгир, закашлявшись, поднял голову и перевернулся на живот, намереваясь встать.

Конь зарысил прочь, но остановился неподалёку.

— Вот дрянь, — скрипнул зубами Ольгир. — Ты что, играешь со мной?!

Он с трудом сел, чувствуя дрожь во всём теле. Его мучило, в голове всё меркло и терялось. Ольгир положил голову на руки, устраиваясь удобнее. Зрение, раздражаясь сверкающим пятном пасущегося жеребца, постепенно возвращалось и обретало силу.

Кажется, охота переросла в привал — конь ходил вокруг, разбрасывая туман и слизывая с травы росу. Ольгир рассматривал создание, жадно запоминая его вид, как полугодовалый ребёнок, который вдруг понял, что наделён острыми глазами. Любопытство возвращало его разум, выхватывая из когтистых лап тьмы, — ничего подобного Ольгир никогда не видел и не испытывал. Гнев ушёл. Ужас ещё грыз, но не больно, точно кусал несуществующий у человека хвост: вроде бы и чувствуешь, но не явно.

— И что ты за существо такое? — вслух спросил Ольгир, кашляя.

Белая Грива, до которого лёгкий ветер наверняка доносил слова, постриг недовольно ушами. Ольгир хлопал руками пояс и, обнаружив на нём флягу с водой, выдохнул облегчённо. Хоть что-то лес не отнял.

— Почему же ты не отходишь от меня далеко? — продолжал размышлять он вслух, между словами катая по полости рта небольшой глоток воды вперемешку со слюной. Сплюнул в траву.

— *Ты заблудился и потерялся. Я тебя вывел.*

Ольгир, в этот момент поднёсший флягу ко рту, расплескал воду и закашлялся. С ума сошёл, точно.

— Что?!

Белая Грива молчал и жевал траву, точно убеждал Ольгира в том, что ответ ему лишь померещился.

— Это ты сказал?

Тишина.

— Это я, по-твоему, заблудился? Отвечай!

Тут уж конь не удержался и поднял удивлённо голову.

— *Ты заблудился. Я вывел,* — настойчиво повторил голос в голове.

— Но... но я же охотился!

— *Какая охота? Я испортил твою охоту, странник? Спугнул добычу?*

— Вот же...

— *Этот лес не лучшее место для охоты, странник. Я видел здесь больших волков и злых духов.*

Ольгир, сбитый с толку, хлебнул воды из фляги, и она, попав в горло, ощутилась такой настоящей, что он снова усомнился в реальности происходящего.

— Вот ты и сошёл с ума, дружище, — процедил он вслух.

Он потёр веки костяшками пальцев, открыл глаза, но белый призрак, сияющий огромной луной среди слепого звёздного неба леса и тёмного блестящего пастбища, никуда не исчез. Конь стоял на лугу, без охоты пощипывая жёсткие былки.

Ольгир внимательнее осмотрелся. Пастбище простиралось от деревьев до селения и до болота, но с одной стороны был овраг, куда местные приходили сбрасывать вываренные головы скота. К болоту люди носили хлеб, одежду и свежее мясо, чтобы задобрить богов иль духов. А вот овраг был местом, куда несли то, что считалось испорченным и непригодным ни в пищу, ни в ремесло.

Белая Грива медленно шёл к оврагу, громко вырывая из земли траву. Вот конь уже стоял у самого края. На губах Ольгира заиграла довольная усмешка. Если напугать Белую Гриву и подойти сбоку, есть вероятность, что он оступится и упадёт вниз.

Ольгир поднялся на трясущихся ногах, выхватил нож и стал медленно приближаться к сохатому коню.

Сорок шагов. Тридцать. Двадцать. Десять.

Белая Грива поднял свою тяжёлую голову, внимательно разглядывая Ольгира, а потом снова опустил, наставив на него рога. Ольгир отвёл взгляд, смотря то на практически отвесный склон холма по правую руку, то на взволнованно подрагивающий лошадиный хвост. Сохатый стоял к нему боком, будто подставляясь. Ольгир догадался: он не собирался нападать и не хотел его ранить, лишь предупредил о том, что у него есть громадные рога. Которые, между прочим, ножом не срезать.

Ольгир поиграл потными пальцами на рукояти ножа и замер. Чтобы напасть, убить, надо найти в себе силы, а их не было. Он заглянул в себя, но нашёл лишь пустоту. Эта пустота была уставшей и сжавшейся, точно зверь в своей норе. Не было ни злобы, ни желания, которое совсем недавно драло его на части, ни уверенности в том, что нож попадёт туда, куда направит его усталая и дрожащая от напряжения рука...

В голове промелькнула быстрая мысль, что надобно будет бежать в поселение да просить у мужиков топор, чтобы срубить лошадиную голову. Сейчас же нужно лишь пырнуть Белую Гриву в шею или в ногу, ранить да столкнуть в овраг, откуда он не выберется, а после — дело за малым.

Ох и хорошо же будут смотреться серебряные рога над креслом в Большом доме...

Ему хватило всего пяти могучих прыжков, чтобы нож достал до цели. Конь заржал, взбрыкнул, извернулся. Ольгир понял, что промахнулся, но было уже поздно. Он хотел ударить по передней ноге, но Белая Грива подпрыгнул высоко, и мужчина чуть не угодил ему под копыта. Лезвие срезало лишь пук волос с длинной гривы.

Ольгир мысленно выругался и перекатился, сам скорее ныряя в овраг, чтобы спастись от серебряных копыт. Но конь, испуганно заржав, умчался прочь в сторону леса, оставив его одного. Ольгир отдышался, поднялся на локтях и от обиды ударил кулаком по земле. Встал.

Ноги его увязли в вонючих овечьих и свиных черепах. Ольгир выбрался и проводил взглядом исчезающую меж тёмных елей Белую Гриву. Пустить бы ему стрелу в круп, да всё отнял троллий лес!

Ольгир сплюнул себе под ноги и увидел, что под башмаками его лежат белые конские волосы. Он поднял их и принялся рассматривать, крутя меж пальцев. Срезанные с гривы пряди искрились, как снег на морозе. Свечение их было так приятно глазу, что завораживало, но не слепило, лилось, точно играло на поверхности перламутра. Ольгир развязал сумку, достал кошель и положил в него конские волосы, а после отправил этот кошель за пазуху. Не с пустыми руками он вернётся к отцу...

Ольгир был без плаща. Тот остался лежать где-то в тёмном лесу, разодранный ветвями и колючками. Небо, напротив, отыскало свой — серебристо-серый, со стёртым знаком солнца на спине, и закуталось в него с головой. Утро было прохладным, выл во все флейты ветер. Его дыхание было тёплым и резким, так что он не пронизывал, но ударял то в спину, то в лицо, а потом замолкал, сбитый с толку массивом леса. Он насквозь пропах овцами, и вскоре Ольгир заметил небольшое стадо с мальчишкой-пастухом и белым крупным псом. Он прошёл мимо, не обращая внимания на пса, который принялся драть глотку рыком, точно учуяв волка.

— Белый, молчать! — прикрикнул мальчишка, но, увидев на невысоком, в три мужских роста, холме человека в изодранной одежде, перемазанного кровью и грязью, струхнул и замолчал, скрестив пальцы за спиной.

Ольгир без интереса посмотрел на мальчишку, его пса и стадо и пошёл прочь, сгибаясь под тяжестью ве-

тра. Он немного хромал на правую ногу, но вскоре боль отступила — любые раны на нём заживали как на собаке. Хотелось смыть с себя всю грязь, но Ольгир знал, что тут рек поблизости нет, а те ручьи, что есть, — заболочены в овражках. Теперь уж терпеть до самого города либо идти в поселение искать колодец.

Впереди — как кстати — уже виднелись крыши небольшого поселения, а от него всего полдня пешком до Онаскана. Ольгир посмотрел на руки, одежду, обувь, коснулся спутанных в паклю волос, с которых сыпались листья, и ухмыльнулся с болью и смехом пополам. Как бы его самого не приняли за злого духа и не погнали огнём, камнями да палками.

Он шёл и думал — за мыслями расстояния становятся короче и мимолётнее. Иногда принимался тихо говорить вслух и шутливо препираться с самим собой. Редко доводилось ему бывать в одиночестве и тишине. Гораздо больше времени он проводил в шумных компаниях вояк да на пирушках, где громко горланил простенькие песни.

— И что сказать отцу, когда я заявлюсь в зал с пучком волос вместо шкуры или рогатой головы, как он просил? Что он мне скажет? — спрашивал Ольгир у самого себя и, чуть изменив голос, отвечал: — «Ну здравствуй, сынок. Спасибо за Гриву. Будет чем заштопать носки!»

Ольгир плюнул на траву, выразив тем самым своё отношение к отцу и сохатому коню.

— Перебьётся. Может, простил давно и Лейв прав. — Ольгир ускорил шаг. — Разве так велика моя вина? Убил нескольких купцов, но разве то были крупные птицы вроде детей Анунда? Так, какой-то родич. Разве не собирался мой отец и сам их наказать за нарушение слова... Разве не так?

Он замолчал, когда приблизился достаточно к первому двору, обнесённому хлипеньким разбитым плетнём — видать, все мужики со двора ушли в поход. Тут же был и колодец, рядом валялось опрокинутое ведро. Ольгир перешагнул через поваленную ограду, распугав

гусей со стриженными крыльями, хотел было постучать в высокую дверь, спросить у хозяина, его ли это ведро, но только занёс кулак, как услышал высокий женский голос за домом:

— Ольгир! Чего ты удумал? А ну прекращай!

Он содрогнулся от звука собственного имени — как узнали его таким? Но тут, выскочив из-за стены, через плетень перескочил мальчишка и удрал в сторону пастбища.

— Ольгир! — закричала ему вслед мать, но мальчик только резвее засверкал пятками. — Ишь чего удумал, поганец!

«И правда, чего я только не удумал, — мысленно произнес Ольгир. — Удумался уже. Как пойдёт, так оно пушай и будет».

Тут женщина обернулась в сторону дома и вскрикнула, заметив страшного человека с занесённой над дверью рукой. Закрыла перекошенный от испуга рот ладонями и убежала прочь, туда же, куда помчался малец.

— Эй, да я только ведро возьму! — крикнул ей Ольгир, пытаясь перекричать её визг. — Во зайчиха.

В Онаскане было непривычно тихо, будто случилось что-то дурное. Стяги, ранее гордо развевавшиеся на ветру, были сняты, точно в городе держали траур. Привратники, пропустив Ольгира, начали перешёптываться за его спиной, и он, поняв, что их шептания напрямую связаны с ним, рыкнул на них. Стражники замолчали и потупили взоры.

Он ощущал подавленное настроение горожан всей кожей. Тишина была повсюду: пусть и сновали под ногами шумные дети, перебегали торопливо дорогу кошки, а люди шумели и спорили друг с другом, странное молчание затаилось в этих стенах, и Ольгир вступил в него, точно в белёсый туман.

Как и ранее, на него поднимали глаза, смотрели в спину, но было во взглядах что-то тяжёлое, и Ольгиру

это совершенно не нравилось. Он занервничал, и когда мелкий торговец, зацепив его корзиной, пугливо отшатнулся, как от больного, Ольгир ускорил шаг.

Его терзало страшное предчувствие, похожее на давнее, но забытое видение. Он шёл так быстро, как только мог, но каждый шаг будто приближал его к неминуемой беде или к... уже случившейся беде.

В последний раз, когда были сняты со спицей стяги, его мать везли в повозке к курганам. Ольгир содрогнулся, вспомнив мёртвое лицо матери, обложенное еловыми ветвями. Наверное, тогда он выплакал все свои слёзы. Больше их никогда не было.

Стража у Большого дома не остановила его, как было велено ранее, а свободно пропустила, сдержанно поприветствовав.

— Где он? — перебил их Ольгир.

— О ком ты? — Один из стражников нахмурился.

— Ты знаешь. Мой отец. С ним что-то случилось? Он умер? Почему спущены стяги?

— Нет. Он жив. Ждёт тебя в Большом доме.

— Ждёт меня?

— Да. Вскоре, как ты ушёл, он отправил отряд на поиски, чтобы вернуть тебя.

— Вернуть меня?

— Да.

— Но зачем?..

Стражник открыл было рот, но Ольгир нетерпеливо оттолкнул его плечом и отворил тяжёлые створки. Он вошёл в залу. Бухнула дверь за его спиной, и от образовавшейся тишины зазвенело в ушах. Казалось, ничего не было слышно, кроме биения сердца, отдававшегося в висках.

Его отец, Арн Креститель, сидел на резном кресле, опустив голову в ладони. Вся фигура его в богатых ярких облачениях казалась маленькой и ссохшейся, будто кто-то, насмехаясь, одел выбеленный временем скелет в красный цвет конунгов. Ольгир остановился, боясь сделать лишний шаг, но потом двинулся скорее с места,

к отцу. Арн поднял на него лицо, сочетавшее в себе бездумную, пустую злую горечь покорённой, крещёной ярости и спокойствие заиндевелой души.

Они не виделись двенадцать дней, но за это время Арн постарел на двенадцать лет. Он давно был болен, но стойко боролся с болезнью, а теперь же, казалось, проиграл этот бой.

Ольгир бессмысленно ухмыльнулся своей страшной догадке. Или же от напряжения просто дрогнула щека.

— Мой брат. Лейв. С ним что-то стало? — негромко спросил Ольгир, нерешительно остановившись в пяти шагах от отца. Всё его тело непроизвольно рвалось вперёд, будто он хотел удержать конунга, но былая обида не позволяла коснуться отца.

— Тебе уже рассказали? — прохрипел Арн.

— Нет.

— Видимо, хотели, чтобы ты узнал это от меня. — Он закашлялся.

Ольгир молча ждал, когда отец совладеет с кашлем.

— Его убил медведь, — сухо произнёс этот некогда красноречивый правитель.

Ольгир шумно втянул воздух носом.

— Как?.. Как это произошло?

— Его убил медведь, — повторил Арн, внутренне уже смирившись с непривычным звучанием ужасающих слов. Не впервой он теряет сыновей, но смерть первенца, наследника, сильнейшего из всех доблестных сыновей Онаскана, сломила его, как ломает ветер неупругие, могучие деревья. — Когда ты ушёл, он отправился на охоту вместе со своим отрядом в ясеневую рощу.

— Я же был там...

— Но только ты вернулся ко мне живым, а не...

Арн осёкся.

— Они наткнулись на медведя, изрядно потрёпанного и разъярённого. Видимо, тот сам только ушёл от какой-то схватки. Заметив людей, он тут же бросился на них. Убил коня под Лейвом одним ударом, и тот упал,

придавив ему ногу. Вторым ударом медведь полоснул его по животу... Мужчины подняли зверя на копьях, но было уже слишком поздно. Они принесли Лейва сюда. Рана была слишком глубокая. Он... Он умер через два дня, и я сразу же отправил за тобой.

— Что? — только и выдавил Ольгир, и Креститель ответил ему страшным взглядом. — Но... но... разве может он так?..

Арн замолчал, утомлённый собственной речью. Ольгир схватился за голову, запустил пальцы в волосы. Он качал головой, расхаживая по залу. Слез не было, лишь недоумение и испуг. Ольгир всем сердцем любил брата, и тот был ему гораздо ближе отца и почти всегда был вместо отца... Воспоминания, до того трепетно-спокойные, вмиг разбились, разрушились, больно впившись в живую плоть.

Креститель попытался подняться, но был так слаб, что мог упасть, если бы Ольгир вовремя не подхватил его за локти. Отец с нескрываемой злобой посмотрел на него, и Ольгир отпрянул от этого изнеможённого, некогда могучего тела. Арну были противны собственная слабость и зимняя бледность.

— Ольгир, ты один остался у меня, — сказал он, подавляя горечь в горле.

— Пожалуйста, отец, — вспыхнул Ольгир. — Ты же и сам этого не хотел! Я же... Я же не знаю ничего и только ошибаюсь. Я... Отец, ты же ещё проживёшь.

— Полно тебе. Все помирают. И я помру, — Арн собрал всю оставшуюся властность на языке и произнёс: — Ты будешь следующим конунгом Оноскана, государем крещёных и святых земель...

— Но твой брат. Он мог бы, — прервал это Ольгир.

— А что мой брат? Он правит над Ве и одалью за Восходным озером, и ему этого достаточно. Он не тронет тебя и не развяжет междоусобицу, если ты станешь конунгом. И его век скоро подойдёт к концу, а Оноскану нужна крепкая рука, а не сухая кисть старика.

— Отец. — Голос Ольгира дрожал от отчаяния, нахлынувшего на него. — Я не готов, слышишь?! Ты всему учил лишь Лейва. Он должен был стать следующим после тебя. Он всегда был следующим после тебя. Его все знают и... и любят. Он же... он же Лейв!

— Мёртв твой Лейв, — напомнил ему Арн. — Спит вечным сном рядом со своей матерью. И я скоро отправлюсь к ним.

— Ты долго ещё проживёшь.

— Врёшь ты мне.

— Я не вру. Пожалуйста, отец...

Ноги Арна задрожали, и он рухнул обратно в кресло, подавляя кашель. Висевший на подлокотнике золотой венец правителя сорвался и покатился вниз под стол.

— Подними, — сказал он Ольгиру сквозь кашель.

— Он не мой.

— Ещё нет. — Голос Арна Крестителя ожесточился. Вновь стал властным и ледяным. — Покуда ты не образумишься, он будет принадлежать мне. Ну, или покуда я не помру.

Ольгир поднял золотой венец. Он долго держал его в руках, рассматривая своё отражение в отполированном золоте, а после нехотя протянул отцу. Арн никогда не носил венец на голове — золотой обруч всегда висел на подлокотнике кресла. Вот и сейчас Арн Креститель вернул его на место.

— Как же я образумлюсь. — Ольгир вдруг ухмыльнулся. — Я же твой беспутный младший сын. Гуляка, бесчестный лжец и пьяница, живущий как блоха. Ты сам говорил мне всё это. Разве не так?

Арн недовольно сверкнул глазами на сына. Он будто и сам был не рад, что конунгом должен стать Ольгир.

— Ты моего рода, — сухо произнёс он. — Ты от рода моего, рода Крестителя, Ольгир. У тебя моя кровь, а потому моя честь спасёт твою.

— Я не справлюсь.

— Справишься. Ярл Агни знает, что я хотел сделать наперёд. Он научит тебя. Он не поднимет мятеж и будет готов стать твоей правой рукой и опорой, пока ты не научишься.

Ольгир хмыкнул. Заулыбался.

— Ты говоришь, ярл Агни?

— Ты не ослышался. Не надо меня переспрашивать.

Ольгир хохотнул, потряхнув золотыми кудрями.

— Я напал на город свеев. Я убил не тех людей и не в то время. В конце концов, я всегда был лишь тенью могучего и мудрого Лейва. И пылью под ногами великого Арна Крестителя, принёсшего новую веру в эти земли, пылью под ногами деда — Торвальда Землевладельца, что основал Онаскан и начал изгнание суми. Я всегда был грязным пятном на чести нашей семьи.

Арн посмотрел на сына с упрёком.

— Знаешь, кто это сказал?

— Уж явно не ты. Ты бы так красиво слова не составил, — прокряхтел Креститель. — Но знать я не хочу того, кто произнёс это.

— А я всё равно скажу, отец. — Улыбка Ольгира была полна гнева. — Это сказал твой ярл Агни. Он ненавидит меня и убьёт при первой же возможности, уж поверь.

— Я не верю тебе.

— Потому что я бесчестный лжец?

— Замолкни, — прокрипел старик.

— Да полно тебе. Будто ты не согласен с его словами.

Я всегда знал, какого ты мнения обо мне.

— Ты был способным мальчиком и юношей, пока не...

— Что же? — Ольгир сощурил глаза.

— Пока ты не переменялся. Смерть матери худо отразилась на тебе.

— Она меня уважала и держала в чести в отличие от тебя.

— Оставь ты эти разговоры! — Арн рассвирепел. — Не тебе меня упрекать. Я не о том говорил всё это время. Ты должен быть холоден, скуп, мудр и жесток.

Я вижу перед собой лишь мальчишку, развлекающегося с рабынями. Совершенно не думающего о последствиях своих поступков! В твои годы я уже изгнал всех колдунов из этих богомерзких земель!

Ольгир опустил глаза, пусть не было в нём ни капли сожаления или стыда. Недолго Арн, потерявший первенца, притворялся, будто его младший сын станет достойной заменой Лейву.

— У тебя нет даже жены, что направила бы тебя или хотя бы научила счёту. Лишь огромное количество рабынь, за которых ты платишь моими же деньгами. Женись скорее, а потом уж буду говорить с тобой как с равным! А то всё ведёшь себя как мальчишка.

— Будто жена что-то изменит, — буркнул Ольгир.

— У этого дома хотя бы появится хозяйка. — Арн махнул рукой, указывая на залу. — Да и мне, старику, спокойнее будет, что род мой не увянет. Уж я найду тебе невесту!

— Я справлюсь сам.

— Ты-то?

Ольгир отвернулся, закатив глаза. Отец повторялся. Кажется, все эти речи и угрозы конунг уже произносил прежде. Можно было привыкнуть...

Цокнув языком, Ольгир достал из-за пазухи мешочек, в котором лежали волосы Белой Гривы, и приподнял над головой.

— Позволь мне перебить тебя, отец. Я принёс тебе кое-что.

Арн недовольно скривил лицо.

— Я не... я не смог убить Белую Гриву, но вот тебе подтверждение того, что я нашёл его.

Ольгир подошёл к столу и положил на его поверхность мешочек. Арн недоверчиво нахмурил брови, но протянул руку к мешочку. Поднёс ближе к лицу, развязал узел и запустил пальцы внутрь. Из горловины Арн выудил прядку жёстких конских волос, чёрных как уголь. На лице его отразилось недоумение. Он поднял глаза на

сына, но тот выглядел не менее опешившим. Старик сухо хмыкнул.

— Это какая-то шутка?

— Нет. Я... Клянусь, это волосы Белой Гривы. Я срезал их. Правда!

Ольгир почувствовал себя оправдывающимся ребёнком. Правда была на его стороне, но всё остальное было против.

— Убирайся вон, — медленно процедил Креститель.

— Отец...

— Убирайся!

Ольгир вспыхнул. Он хотел наругать в ответ, но был так возмущён, что не смог подобрать нужных слов. Сейчас он мог бы только ударить. Ольгир смерил Арна ледяным взглядом и направился к выходу. Дверь была приоткрыта, и Ольгир с досадой понял, что этот разговор, кажется, слышали и стражники, и притаившиеся по углам слуги. Он обернулся и произнёс негромко, но так, чтобы отец его услышал:

— Вот бы мне снова убраться восвояси, да только не возвращаться. Не видеть бы мне тебя и не слышать твоих песен о нашем... славном роде.

Арн замахнулся, точно хотел бросить в сына бесполезный мешок, но кинул его себе под ноги. Ольгир отвернулся, дверь за ним громко скрипнула.

Даже не переодевшись, Ольгир побрёл прочь. Он вышел за стены города, провожаемый недоумёнными взглядами стражи. Он хотел было свернуть налево, обогнуть Онаскан и пойти по мшистой дороге к курганам, чтобы навестить свежую могилу брата, но не смог. Ноги безжалостно понесли его к морю.

Онаскан стоял на месте, где широкая река Полотняная впадала в залив. Здесь несколько десятков лет назад дед Ольгира, ярл Торвальд Землевладелец, со своим войском в четыре сотни человек впервые причалил на ладьях к берегу. Он ушёл прочь с гётских земель, недо-

вольный конунгом свеев Олафом. На новых владениях Торвальд и сам провозгласил себя конунгом, когда в подчинении его оказалось достаточно городов и знатных родов. После сын его, Арн, крестил земли, а сам женился на восточной принцессе, тем самым приумножив число своих союзников. Та подарила ему первенца, настоящего великана. Лейв был таким большим, что хрупкая принцесса оказалась истощена после родов и вскоре умерла. Вторую жену Арн нашёл себе сразу по окончании траура. Ей стала двоюродная сестра конунга Анунда — Сага. Дети её погибали один за другим, пока на свет не появился слабый мальчик, которому она успела дать имя прежде, чем он бы погиб. Сага назвала его Ольгиром, именем руны, чтобы дать защиту и благословение богов, и мальчик действительно выжил. Он был слабым и мелким, особенно в сравнении с братом-великаном. Часто болел, и Арну казалось, что сын вот-вот погибнет от какой-нибудь хвори.

— И лучше бы я правда сдох, — злобно процедил Ольгир.

Он пришёл к заливу на высокий каменистый берег, поросший мхом и тонкой травой. Здесь он часто проводил своё время, когда нужно было собраться с мыслями или, напротив, избавиться от них. Отсюда Онаскан казался таким маленьким и незначительным, что Ольгиру удавалось забыть о его существовании. Зато лес тут стоял не так далеко — сразу за спуском холма. Кажется, в этом лесу Ольгир впервые охотился вместе с Лейвом.

Он вздохнул и сел на самый край, бесстрашно свесив ноги. А там, внизу, шипели и пенились морские волны, стучаясь о мраморные скалы и перекатывая мелкую гальку. Обычно поле ладей было спокойным, но поднявшийся утром ветер пробудил воду, не дал ей уснуть. По правую руку загорался жёлтым закат — небесное полмя стремилось к горизонту.

Ольгир услышал приближающиеся шаги, но оборачиваться не стал. Он знал, кто это мог быть, а потому остался спокоен.

— Только не говори мне, что ты тоже всё это слышал, — пробурчал Ольгир и откинулся на траву — так было видно пришедшего.

Ситрик нерешительно приближался к краю, по большому кругу обходя обрыв. Ольгир следил за ним с усмешкой, болтая ногами в пустоте.

— Боюсь, твой отец так орал, что его слышал весь Оноскан, — произнёс Ситрик и наконец устроился неподалёку от Ольгира.

Тот смачно выругался.

— Да, это досадно, — согласился Ситрик. — Смотри, я принёс тебе кое-что. Мёд остался с тризны.

Ситрик вытащил из сумки большой свёрток с копчёным мясом и фляжку, дурманяще пахнущую крепким мёдом. Ольгир набросился на еду с таким остервенением, будто не видел пищи с того самого момента, как отец прогнал его прочь. Ел он молча, и Ситрик безмолвно сидел рядом, поглядывая то на воду, то на закатное небо.

— Ты был там? — наконец спросил Ольгир, и Ситрик сразу же догадался, о чём он.

— Конечно. Куда же я денусь от епископа.

— А что отец?

— Он не пришёл на проводы.

— Правда?

— Да. У него случился сильный приступ кашля из-за переживаний, так что он задыхался, а когда кашель удалось унять травами, уснул. Хотя я бы сказал, что он скорее потерял сознание. Боюсь, недолго ему осталось, — вздохнул Ситрик.

— Я честно не знаю, чего я хочу больше, — произнёс Ольгир, дожёбывая последний кусок. — Чтобы он уже сдох наконец и я его больше никогда не видел или же чтобы он жил вечно.

— Ты думал бы иначе, будь сейчас с нами твой брат, — грустно заключил Ситрик.

— Этот человек уж точно не заслужил такой смерти.

Они замолчали, и тишина была долгой. Ситрик запустил руку в сумку и выудил оттуда восковую дощечку и иглу. Начал что-то царапать на ней, будто бы рисуя или записывая, но Ольгиру то было совершенно не интересно. Он равнодушно посмотрел на тонкие пальцы друга и прикрыл глаза. От накопившейся усталости, ярости и мёда его потянуло в сон. Присутствие Ситрика ненадолго вернуло ему уже, казалось бы, позабытое ощущение спокойствия и упорядоченности.

Хороши они были в глазах других, когда появлялись вместе, — служащий епископа и первый на весь город словоохотливый весельчак и пьяница! Знакомые с детства плут и аколут. Ситрику тогда было не больше десяти лет, а Ольгиру, который уже успел прославиться своим буйным нравом, — пятнадцать. Ситрик рос среди хольдов и сам должен был стать воином по наставлению отца, прежнего воеводы, но судьба распорядилась иначе. Его заметил епископ, отметив острый ум мальчика и умение изображать. Епископ обучил мальчишку письму и чтению, показал книги, и Ситрик, увидев их, загорелся настоящей страстью. С тех пор он стал служащим и в скором времени хотел принять постриг, чтобы посвятить свою жизнь если не Богу, но точно рисованию и письму на пергаментных страницах.

Они были полной противоположностью друг друга, но случайное знакомство легко переросло в дружбу.

Ситрик был не столь красив, как Ольгир, но черты лица имел правильные. Кожа у него была бледная, с лёгким румянцем. Глаза — серые, невзрачные, впитывающие цвета окружающей его действительности. Ситрик будто подстраивался подо всё, что видел. Вот и сейчас глаза его пожелтели и позеленели в лучах закатного солнца. Русые волосы с серым оттенком, аккуратно остриженные, тёмная одежда, не всегда опрятная, сутулая спина — он казался незаметным на фоне Ольгира, пусть и был выше его на целую голову. Ольгир как-то в шутку называл приятеля Ситкой, сказав, что до Ситрика

ему ещё расти и расти. С тех пор прозвище прижилось, и многие стали так называть ученика епископа.

— Ситка, — вдруг окликнул Ольгир, и тот поднял голову. — Скажи, что мне делать?

Ситрик покачал головой.

— Что хочет от тебя отец?

Ольгир нехорошо хохотнул и открыл глаза. Закат сторал, и со стороны восхода напозлали голубые звёздные сумерки.

— Он хочет, чтобы я заменил ему Лейва. Чтобы я стал конунгом после него самого. Вот только я этого не хочу. Я не Лейв, и конунг из меня будет никудышный. — Ольгир потёр веки. — А ещё ему надобно, чтобы я непременно женился.

— Что же, — Ситка хмыкнул. — Женитьба звучит вполне себе осуществимо.

Ольгир рассмеялся и посмотрел на друга.

— Может, есть кто на примете? — спросил Ситрик.

— Ох и ох, Ситка! И с каких это пор тебя заинтересовали дела любовные, а?

Ситрик зарделся и мотнул головой, спрятав глаза за волосами, но после медленно моргнул и поднял на Ольгира посерьёзневший взгляд.

— Не думаю, что это любовные дела, — тихо произнёс он. — Наверное, тебе придётся найти себе жену из тех, кого предложит сам конунг сразу после траура по Лейву.

— Тут ты прав, — холодно согласился Ольгир. — Правда, хочется назло старику выбрать себе в жёны одну из наложниц. То-то у него лицо будет. Я бы посмотрел. Хотя... Он, наверное, сразу же помрёт от злости, а мне это не на руку.

Они снова приумолкли. Ситрик продолжал рисовать в потёмках, уткнувшись подслеповатыми глазами в самую дощечку и склонившись над ней в три погибели, точно вшей искал. Мёд из головы уже почти что полностью выветрился.

— На днях, пока был на охоте, встретил тут одну. — Голос Ольгира был серьёзен как никогда. — Она из свободных, не рабыня. У отца её большая одадь с ясенывым лесом и переправа. Дом у них большой, хоть и старый.

— Кто же она?

Ольгир облизал губы.

— Принцесса троллей, не иначе.

— Она сейдкона? Вёльва?

— Мне кажется, да. По крайней мере, она сказала, что проклянёт меня и убьёт, если я ещё раз хоть пальцем её трону. Ты бы видел её дикий взгляд в этот момент.

— Что же, тебе оказалась по нраву та женщина, что хочет тебя убить?

— Тролье дерьмо! Да!

— Печально, — заключил Ситка.

— Мне надо поговорить с её отцом. Думаю, он согласится отдать свою дочь за меня. Ещё бы не согласился.

— Попробуй. — Ситрик пожал плечами и снова склонился над рисунком и записями.

Ольгир не стерпел, поднялся и шлёпнул его по затылку.

— Хватит глаза портить. И так ничего не видишь.

— Владыка асов отдал глаз за мудрость, я же готов пожертвовать двумя.

— От кого это я слышу, а, Ситка? Не пристало поминать асов аколуту епископа. Кончай записывать, нам пора возвращаться в город.

Ситрик потупился и покорно собрал в сумку свои вещи. Они поднялись, отряхнулись, и Ольгир, последний раз взглянув на мелкие морские волны и сплюнув вниз, направился к Онаскану. Ситрик последовал за ним.

— Я... я хотел сказать тебе кое-что, — нерешительно начал он после продолжительного молчания. Всё это время он будто бы собирался с мыслями и храбрился.

— Что же?

— Я собираюсь принять постриг и отплыть в монастырь вскорости, чтобы начать работу над книгами.

Епископ посоветовал меня как хорошего рисовальщика, а я не мог отказаться, ты же знаешь. Их рисовальщик умер от старости, и пока никого не смогли найти на замену, кроме меня.

Ольгир нахмурился.

— Остался бы со мной, Ситка. Раз уж мне суждено быть конунгом, ты мог бы стать моим советником. Я доверяю тебе, как никому больше. У тебя есть голова на плечах, вон даже писать умеешь. На что тебе рисунки?

Ситрик шёл, опустив взгляд в землю. Ему было тяжело смотреть на друга в этот момент.

— Остайся, — чуть более властно произнёс Ольгир.

— Я... подумаю.

— Вот и хорошо.

Ещё свежи были воспоминания о страхах, живущих в тёмном еловом лесу, а потому Ольгир подробно расспросил местных о том, как обойти стороной эту проклятую чащобу и выйти к переправе или хотя бы к броду простым путём. Оказалось, что ежели скакать на лошадях не через ельник, а сквозь ясеневую рощицу, что ближе к морю, то можно быстро отыскать пороги, где Тёплая мелела настолько, что даже козы и овцы не боялись зайти в воду. Пусть и частенько Ольгир бывал в лесу, но почему-то на переправу наткнулся в тот раз впервые. Если бы не Белая Грива, то вряд ли бы он вышел к ней.

С Ольгиром отправились верные хускарлы — Кнуд Рыжебородый и его младший брат Вигго. Ольгир приказал им нарядиться в лучшую одежду, что была у них, да перевязаться серебряными поясами. Сам же надел свой лучший кроваво-алый кафтан, расшитый голубым блестящим шёлком и серебряной нитью. На шее его

висели золотые кресты, похожие на молоты, на пальцах сверкали перстни. Светлые локоны он примял шапкой с лисьей оторочкой.

— Ты так вырядился, будто свататься собрался, — не стерпел и сказал Ситрик, пока Ольгир устраивался в седле.

Сын конунга, будучи в дурном расположении духа, рассмеялся.

Вышли они чуть позже рассвета, почти не отоспавшись за короткую сумеречную ночь. Ветер к утру пригнал густые серебристые облака, так что день немногим отличался от белой ночи.

Во время поездки Ольгиру удалось отдохнуть. Он любил быструю езду и дорогую одежду, мягкую и приятную к телу. Он подгонял своего коня, Сола, а тот и рад был помчаться вперёд так, что шапку приходилось прижимать к голове, чтобы не потерялась. Кнуд и Вигго отставали, но не теряли Ольгира из виду: светло-серая шкура Сола и яркий плащ его хозяина были видны в лесу издалека.

День уж был в самом разгаре. Наконец показались частокол и переправа, скрытые до этого за пологим холмом. Ольгир напряжённо осматривался, отыскивая глазами Ингрид или её отца, но никого не было видно. Неспешно съехав вниз ко двору, Ольгир остановил Сола, привстал в седле, пытаясь заглянуть через частокол, но снова никого не приметил.

— Что ж. Будем дожидаться? — спросил Кнуд.

— Будем, — ответил Ольгир и спешился. Братья последовали его примеру.

Ольгир подвёл Сола к воде, чтобы конь напился, да и сам, стащив башмаки, по колено зашёл в реку. Гладь её была пугающе тёмной, будто кучевые облака вовсе не отражались в ней. Ольгир зачерпнул воду пригоршней, умылся, и тут его коротко окликнул Вигго, указывая в сторону леса. Ольгир поскорее вышел на берег, поймав Сола за узду, обулся, но, как показалось ему, в намокших по краю штанах он уже растерял большую часть своей

важности. Ингрид и её отец вернулись раньше, чем он ожидал.

Ольгир запрыгнул в седло и подъехал к Кнуду и Вигго. Те встали по обе стороны от него. Вышедшие из леса Хаук и Ингрид замерли, заметив у своего жилища богато одетых конников при оружии.

— Здравствуйте! — громко крикнул Ольгир. — Мы пришли к вам с миром.

Ингрид, узнав голос, шагнула за спину отца, но Ольгир не обратил на то внимания. В этот раз волосы её были заплетены в две рыхлые длинные косы, каждая из которых была перевязана тонкой голубой лентой. Пряди, выпавшие из кос, частью скрывали лицо Ингрид, и Ольгир мог рассмотреть лишь внимательный взгляд холодных и дерзких глаз.

По отцу Ингрид трудно было догадаться, что именно он породил её. Хаук был настолько худым и бледным, что тело его казалось бессильным, но внешняя слабость эта была обманчива. Ростом он лишь немного превосходил дочь, на голове редким пушком светлели волосы, обнажая лысину, а длинная двурога борода свисала до середины груди.

«Верно, в красавицу мать уродилась Ингрид, — подумал Ольгир, — раз так мало общего было меж ней и отцом».

— Здравствуйте и вы, — осторожно ответил Хаук. Голос его был густым и глубоким, как туман в овраге. — Кем будете?

— Я Ольгир, — охотно представился сын конунга и выехал вперёд, почти поравнявшись с Ингрид и её отцом. Она ещё на краткий шаг отступила назад.

— Сын Арна Крестителя, — догадался старик и почтительно кивнул мужчине. — Я Хаук Сказитель. А это моя дочь Ингрид.

— Твоё имя кажется мне знакомым, если я не путаю тебя с другим Хауком Сказителем. Да и с твоей дочерью мы знакомы. — Ольгир ухмыльнулся.

Хаук удивлённо изогнул кустистые брови.

— Правда? — Он повернулся к дочери. — Она мне ничего не сказала о тебе.

Ингрид нахмурилась и потупила взгляд. Подбородок она продолжала держать высоко, пусть опущенные глаза её были сокрыты тенью густых ресниц.

— Видно, хотела оставить нашу встречу в тайне. — Ольгир улыбнулся шире. — Позволь также представить тебе моих верных спутников. Это Кнуд Рыжебородый и его брат Вигго.

Хаук кивнул и им.

— Дозволь пригласить тебя, Ольгир, и хускарлов твоих в моё скромное жилище. Правда, мы не были готовы к визиту столь почтенных гостей, а потому ничем свежим не смогу угостить тебя. Разве что есть у меня пара бочонков душистого пива.

— И того будет достаточно. — Ольгир спешился и пошёл за Хауком. Кнуд и Вигго последовали за ним.

Старик пропустил их первыми в небольшой двор, показал, куда поставить лошадей, и встал на пороге, как бы приглашая заглянуть в дом. Ольгир огляделся. Двор был аккуратным, убраным, да и сам дом выглядел добротным, лишь крыша, поросшая кое-где сорной травой, пестрела заплатками в нескольких местах. Входную дверь и перекладину над ней украшала замысловатая резьба.

— Ингрид, налей лошадям воду, — приказал Хаук, и дочь охотно взялась за вёдра, лишь бы не оказываться с Ольгиром под одной крышей.

Мужчины прошли в дом, и Ольгир ненадолго задержался на входе, рассматривая замешкавшуюся у корыта Ингрид. Она подняла глаза, и их взгляды встретились. Ольгир довольно прищурился, как сытый зверь, Ингрид же смотрела на него с холодной ненавистью. Она догадывалась, с чем он пожаловал, но ни одним движением не выдавала своего волнения и заинтересованности в происходящем. Ольгир скрылся в тени дома, прикрыв за собой дверь, и тогда только Ингрид выдохнула. Пока

никто не видел, она осторожно протянула руку к Солу, пытаясь погладить его нос, но конь отвернулся, не найдя в протянутой ладони угощения. Пусть и был он светлым, как Белая Грива, но вёл себя как обычная лошадка. Ингрид разочарованно отступила и снова подхватила вёдра.

Изнутри дом тоже не выглядел бедным. Ольгир догадался, что прежде тут жила большая знатная семья, и спросил о том хозяина. Хаук, усадив гостей за стол, охотно принялся рассказывать о своей судьбе. Слушать голос его было одно удовольствие.

— Что правда, то правда. — Хаук грустно улыбнулся. — Дом этот построили мы с моим братом и отцом. С тех пор жили тут вдвоем. Мои родители-старик, я с женой, наши дети и мой брат с женой. Бездетные. Родители мои, несложно догадаться, давно уж умерли от старости, и отец нам с братом завещал эту переправу. Было это ещё в те времена, когда сумь не боялась выходить из леса к реке и грабила расположенные неподалёку поселения. Это сейчас тут тихо и покойно, а тогда отец твой, сам Арн Креститель, присылал сюда небольшие отряды воев. Бывало, в опасные сезоны и они у нас жили, так как переправа важная была. Ещё один дозор всегда стоял на порогах, кажется, там до сих пор сохранилось основание сторожки, пусть домишко-то уже давным-давно раскатали по брёвнышку люди из соседнего села. Так что пусто в этом доме никогда не было.

Хаук достал ячменное пиво, ржаные лепёшки и сушёную рыбу. Угостил скромной пищей знатных гостей и продолжил:

— Мы с моим братом примерно тогда же ходили в поход. Вроде вёл его тогда теперешний воевода конунга — ярл Агни. Мы добрались до самого Великого моря, до края света, как мне тогда казалось. Оттуда мы с братом привезли много сокровищ, которыми после украсили дом и одежду, но самое большое сокровище привёз я. Свою жену. Самую красивую из арабок, что я когда-либо видел. Её глаза были черны, как зимняя ночь, волосы,

что она так настойчиво прятала, были похожи на тёмную текучую реку, а кожа пахла розами и апельсинами. Она была взята в плен, как дочь какого-то важного господина, за которую был обещан выкуп, но позже оказалось, что она всего лишь служанка. Мореходы хотели обесчестить её и выбросить за борт, но я заступился за неё, потому что влюбился, как мальчишка, с первого же взгляда. Не знаю, почему меня тогда послушали и девушку оставили в покое — может, нас обоих спасла честь и слава моего отца, верного друга конунга Торвальда. Но я пообещал тогда, что она не станет лишним ртом, так как я буду в походе делиться с ней своей едой, а сама она станет трудиться с мужчинами наравне. Она и правда оказалась полезной нам. Не отказывалась от общей работы, штопала нашу одежду, приносила фрукты и никогда не перечила. Я ревностно сторожил её честь, но вскоре мужчины, отыскав себе плотские утехы в городах Великого моря, перестали обижать её.

Хаук приумолк. Он сидел на скамье, слегка трясясь, будто его тело вспомнило морскую качку. А в ушах, верно, шумела морская вода, плескаясь и выбрасывая на берега памяти воспоминания. Ольгир слушал Хаука внимательно, с почтением. Когда-то он слышал о Сказителе краем уха, но не знал, что тот обосновался на переправе не так далеко от Онаскана. Хаука приглашали на пиры и тинги, и тот являлся на них один, без семьи, но в руках его, как грудной ребёнок, всегда были чудные расписные гусли суми — кантеле. Редко баял он, как обычные скальды, не рассказывал саг, а всего чаще пел свои и чужие слова, и песни его были просты, но необычны. Знал он тексты и на чужих языках, и люди дивились, внимая ему. Много кто приходил послушать иноземные песни о Великом море, пока однажды Хаук не перестал появляться на людях, и на то, как оказалось, были причины.

— Я привёз её сюда, на переправу, и вскоре мы женились. Я обучил её нашей речи, и она охотно запоминала все слова, какие я ей говорил. Она быстро освоилась тут,

научилась тепло одеваться, носить нашу одежду. Единственное, по чём скучала, так это по апельсинам и лимонам, какие выращивали целыми садами на её родине, а вместо роз я приносил ей колючий шиповник. — Хаук отпил из своей кружки, смачивая пересохшее горло, и продолжил: — Она подарила мне троих детей, Магнуса, Ингвара и Ингрид. Все трое смуглы и темноволосы, как она. Когда Магнусу исполнилось шестнадцать, он ушёл из дома, утащив за собой младшего Ингвара, и больше я не видел их, хотя Магнус, как мой старший сын, мог бы рассчитывать на эти земли. Но они ушли, и, наверное, то было к лучшему. Той же зимой вся наша семья заболела сильно. Моя жена умерла от хвори первой, а за ней к предкам отправились мой брат и его жена. Каким-то чудом лишь мы с Ингрид остались на ногах и не подхватили заразу. Так всего-то за один год это жилище опустело. Превратилось в прибежище сестры Ёрмунгарда и Волка.

Взгляд Хаука Сказителя стал отрешённым, и Ольгир, покачав головой, пригубил свое пиво. Кнуд и Вигго молча сидели рядом, посматривая на хозяина.

— Вот почему ты перестал появляться на пирах, — наконец произнёс Кнуд, и Хаук кивнул.

— То минувшие дни. — Хаук наконец пристально посмотрелся в своих гостей. Грусть в глазах его быстро растаяла. — А что было днями прошлого, теперь сага для настоящего. Поведайте и вы, что ли, с чем пришли. Неужто Агни соскучился по музыке кантеле и звуку моего голоса, что послал за мной? За десяток лет неужто никто не смог меня переиграть и перепеть?

Хаук мелко рассмеялся.

— Есть у нас певцы и получше твоего, — с вызовом произнёс Ольгир. — Жаль только, никто из них не был в Великом море. Пусть они и соревнуются друг с другом в мастерстве сложения песен, но никто из них не сможет рассказать про вкус апельсинов. Разве что про

чернику в землях Альдейгьюборга и кровавые ягоды под Стиккластадире.

Сказитель с довольным видом отпил из кружки, счастливый оттого, что до сих пор помнят о нём в Онаскане.

— Нет, не с тем я пожаловал к тебе в гости, Хаук Сказитель. Я упомянул раньше, что мы знакомы с твоей дочерью, так вот за ней я пришёл.

Хаук нахмурился.

— Как же это, за ней? — не понял он.

— Я хочу взять твою дочь в жёны и хотел просить у тебя на то разрешения. — Лицо Ольгира стало серьёзным. — Я принёс тебе богатые дары, и ты мог бы выбрать из них то, что тебе по душе, или забрать все, если отдашь за меня свою дочь. Я сын конунга и могу обещать, что со мной она будет жить в достатке, тепле и сытости. Ей больше не придётся тяжело работать на переправе и бояться зимы, и я смогу дать ей лучшую одежду и украшения, какие только она сможет пожелать.

Хозяин дома цокнул языком. Тряхнул бородой — вмиг растряс остатки пивного дурмана в голове.

— Как бы ни не хотел я отпускать своё единственное дитя, думаю, что мог бы отдать за тебя Ингрид, — наконец произнёс он медленно, соображая на ходу.

— Мог бы?

— Мог бы. Однако сначала хочу спросить, что по этому поводу думает сама Ингрид.

Ольгир опешил.

— Я сказал уже, что, как сын конунга, обеспечу её, — твёрдо произнёс он. — Тебе не стоит за неё беспокоиться.

— Ингрид — моё единственное дитя, так что она составляет всё моё беспокойство на этом свете. Мне не о чем больше волноваться. — Хаук поднялся из-за стола. — Обождите здесь, пока я позову её и спрошу.

Он ушёл, оставив Ольгира наедине с хускарлами. Тот опустил голову, подперев её руками.

— Чудной старик, — произнёс Вигго.

— Что же, — наконец изрёк Сказитель. — В таком случае могу лишь предложить ещё пива.

— Нет, нам пора ехать, — отказался Ольгир, с неимоверным усилием сдерживая клокочущую внутри обиду и ярость. Изо всех сил держался он, чтобы не ударить старика.

— Мудрое решение, — согласился Хаук. — С пьяной головой тяжело усидеть на коне. Тогда, пожалуй, я пойду вновь открою ворота, чтобы вам, господа, было проще выехать со двора.

Спустя несколько дней и ночей малокровные тонкие облака разогнало солнце, но недолго правило оно на небе. С захода пришли могучие грозовые тучи. Весь день небо грохотало на разные голоса раскатами грома, вспышки озаряли небосвод, но никак не могло разродиться шумным дождём.

Ингрид с предвкушением посматривала на небо и всё ждала, когда уж вода обрушится стеной. Вместе с отцом они перевернули лодки, снесли уже всю утварь со двора в дом и теперь посматривали из-под крыши и переглядывались. Давненько не было хорошей грозы да доброго всеочищающего ливня — начало лета выдалось тихим и несмелым.

Еда была уже сготовлена, одежда выстирана, и, чтобы занять руки, Ингрид достала липовый брусочек и принялась строгать из него. В доме оказалось темно заниматься этим, и Ингрид уселась на пороге. Хотела себе вырезать новую ложку, но, когда из дома послышался звук отцовского кантеле, Ингрид и сама не заметила, как руки будто по собственной воле начали вырезать образ, похожий на человекозверя. Хаук не пел, только

тихо мурлыкал под нос, перебирая струны. За него пели раскаты грома.

Молния ударила совсем близко, и Ингрид от неожиданности полоснула по пальцу ножичком. Капли крови упали на порог, и в тот же миг тучи разорвало дождём. Ингрид охнула. Где-то в лесу, не так далеко, застонали деревья, и ствол одного из них рухнул наземь с невообразимым треском. Хаук поднял голову, услышав это. Его пальцы скользнули по струнам, заставив их издать похожий звук.

— Только посмотри, как льёт! — восторженно произнесла Ингрид и жестом подозвала отца.

Хаук отложил кантеле и подошёл к дочери, прислонившись к дверному проёму. За частоколом, казалось, не было ничего — всё скрыла сплошная стена остервенелого дождя. Земля во дворе тут же взбугрилась, вспенилась и скоро разошлась лужами. Косой росчерк молнии разделил небо на две равные половины — на этот раз гроза ударила рядом с Онасканом или над заливом. Они смотрели, заворожённые, на то, как разбегались по небу яркие всполохи, а оно всё темнело и темнело. Близился вечер.

— Интересно, будет лить всю ночь? — Хаук почесал бороду, ушёл в дом и вернулся с кружками пахучего травяного отвара.

— Нет. Скоро закончится, — уверенно произнесла Ингрид.

Она отказалась от отвара и продолжила вырезать. С одной сторонки у брусочка уже появилось человеческое лицо с широкой страшной улыбкой, а с другой лишь прорезался облик зверя, не то волчий, не то змеиный. Ингрид хотела было добавить звериному оскалу мелких зубов, да мастерства не хватало.

— Что же это такое ты вырезаешь? — Хаук заинтересованно склонился над плечом дочери, и Ингрид охотно показала ему резьбу, покрутив разными сторонами. — Это надо ж! Перевёртыша придумала.

На губах Ингрид показалась едва заметная улыбка.

— Вот дед твой вырезал узоры на этой двери. — Хаук коснулся шершавой рукой резьбы на дереве, погладил ласково изображённого на ней змея, как домашнего кота. — Я же так и не смог научиться, но, видимо, не стоило мне грустить об этом, так как его талант достался тебе.

Он отпил из кружки, обжёгся и отставил пока отвар.

— Ты смотришь на мир его глазами. Ясными и бесстрастными. А потому подмечаешь в нём каждую мелочь.

Ингрид кинула быстрый взгляд на отца. Хаука на краткий миг бросило из жара в холод от её взора, и он закивал, довольный.

— Да-да! Этими самыми глазами. Точно как у твоего деда! — Он снова кивнул. — Взгляд у него был такой же: грозный, холодный, гордый. Но в то же время мудрый. Всё обо всех отец мой знал наперёд, точно сейды были ему знакомы, но был он обычным человеком, как и мы с тобой.

Ингрид опустила ресницы.

— Скажи-ка, дочь, что ты не пошла за Ольгира? Он не обманывал, будто осыплет тебя серебром и золотом. Скажи, увидела в нём что-то недоброе?

Ингрид вздохнула и отложила нож. Она совершенно не понимала, как рассказать отцу о том, что произошло на переправе. Ей было стыдно и страшно, будто в том была её вина.

— Он... — Она помедлила, взвешивая все слова, что приходили на ум, в попытке отыскать нужные. — Он нехороший человек.

— Вот как. Это ты поняла, когда познакомилась с ним тогда?

— Да.

— Я верю тебе, — изрёк Хаук. — Все мы нехорошие люди, просто кто-то может это побороть, дабы не навредить ближнему, или хотя бы спрятать, чтобы на глаза не попадалось, а кто-то — нет.

Плечи Ингрид дрогнули.

— Не думаю, что он опасен для нас. Твой отказ видели лишь его преданные псы, а потому он не захочет возвращаться сюда, чтобы не бередить рану на своём самолюбии. Забудет про нас и отстанет. Я бы предпочёл забыть.

— Я бы не забыла такое, — прошептала Ингрид, но Хаук её уже не слышал. Он ушёл в глубь дома, шумно отпивая горячий отвар. — Я бы отомстила.

Ливень закончился скоро, как и предрекала Ингрид. Она обернулась, чтобы сообщить о том отцу, но он уснул. Ингрид смолчала.

Показался край чистого, умытого неба, блеснуло солнце, и туча против его света окрасилась густой чёрной краской. Грозы ещё громыхали, и Ингрид с упоительной дрожью во всём теле слушала их, переплетая косы лентой. Наконец она выскочила из дому, тихонько прикрыв дверь. Вырезанного перевёртыша Ингрид взяла с собой.

Её босые ступни утопали в сырой траве. Она ёжилась от холодка, но ощущение это было приятным. Взобравшись на холм, она сбежала с него, и ноги несло всё дальше и дальше от дома, от частокола. Река бежала вместе с ней по левую руку. Но вскоре их пути разошлись, и Ингрид свернула на тонкую тропку в лес.

Тот встретил её упоительным запахом сырости и недавней грозы. Под ногами расстился ковёр из мха и черничных листьев. Ягоды ещё были светлые, незрелые, но кое-где уже попадались тёмные и спелые. Ингрид опустилась к земле и принялась собирать их в пригоршню, одну клала в рот, а три складывала в ладонь, и вскоре набралось с горкой. Она улыбнулась, довольная, и пошла дальше по тропе, неся перед собой в сомкнутых ладонях спелые ягоды. Тёмный сок их измазал её пальцы.

Наконец она вышла к Старому месту. По крайней мере, так называл его Хаук. На круглой поляне стояло

